

КОСТРОМИЧИ
взгляд через столетие

ТОМ 1
НАЧАЛО XX ВЕКА

КОСТРОМИЧИ
взгляд через столетие

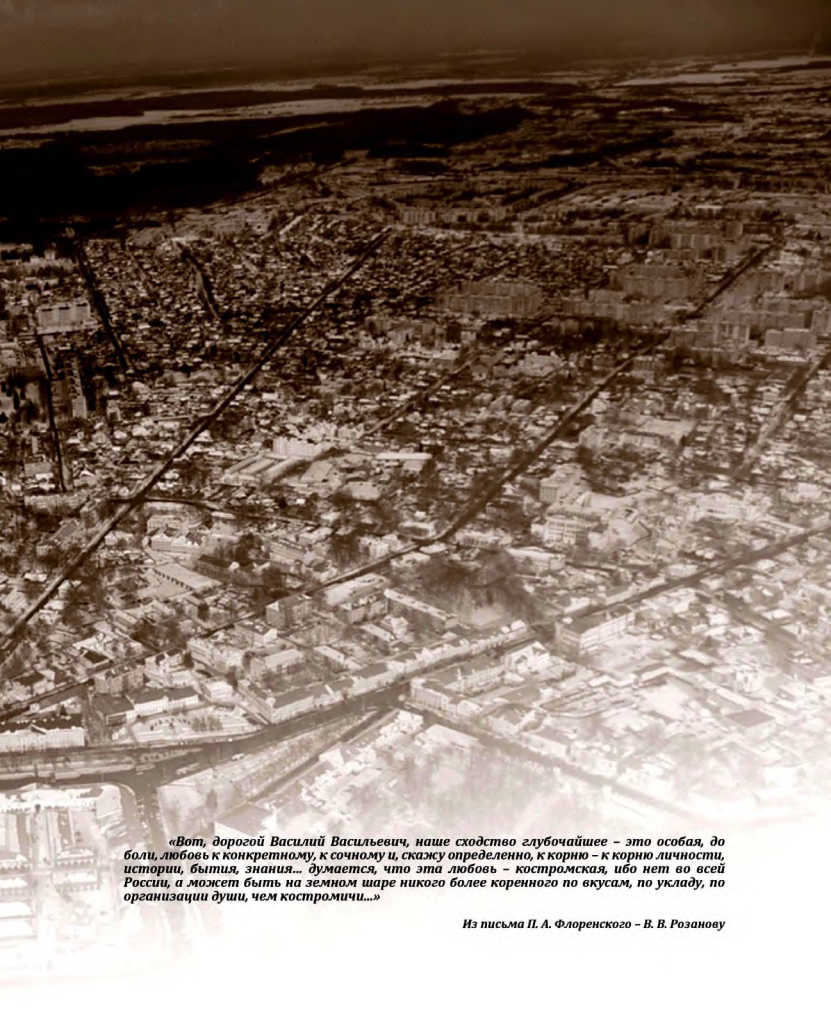
1914 - 2014

У людей часто возникает искушение начать что-то (свою работу, жизнь, историю страны и т. д.) «с чистого листа», «с нуля». Так, как будто до них здесь ничего не было. Понять честолюбивый задор можно, а принять – нельзя. Потеря исторической памяти, забвение своих корней может превратить человека в манкурта, не помнящего родства. И, чтобы этого не случилось, нами был задуман и реализован выпуск серии книг, посвященных Костроме и костромичам. Они разноплановы, ориентированы на различные возрастные и социальные группы, написаны как современными авторами, так и нашими земляками, жившими в начале прошлого века. Главное, что их объединяет, – это стремление восстановить связь поколений, которым выпала судьба и счастье жить в самом глубинном и сердцевинном крае нашей Отчизны, на берегу крупнейшей европейской реки, в городе, который дал стране и миру флотоводцев и исследователей, воинов и созидателей, писателей и драматургов. И дать возможность сегодняшним костромичам взглянуть в глаза давно ушедших поколений их предков. Надеюсь, что книга, которую вы держите в своих руках, продвинет нас вперед к достижению этой цели.

«Вот, дорогой Василий Васильевич, наше сходство глубочайшее – это особая, до боли, любовь к конкретному, к сочному и, скажу определенно, к корню – к корню личности, истории, бытия, знания... думается, что эта любовь – костромская, ибо нет во всей России, а может быть на земном шаре никого более коренного по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи...»

Из письма П. А. Флоренского – В. В. Розанову

Из серии «Костромичи – взгляд через столетия»

Автор и руководитель проекта Б. К. Коробов.

Редакционный совет серии «Костромичи – взгляд через столетия»:

Б. К. Коробов, О. В. Скворцова, С. С. Павлов, Н. А. Зонтиков, Н. В. Муренин, Т. Г. Гончарова, Н. А. Дружнева, В. А. Корнилов.

Подготовка рукописи Л. А. Колгушкина к печати – Т. Г. Гончарова.

Текст статей: С. С. Павлов, Н. В. Муренин, Л. А. Ковалева, Т. Б. Преображенская.

Серия книг «Костромичи – взгляд через столетия» — это фотоальманах о Костроме и костромичах, об истории города и о тех, кто ее творил. Мы начинаем наше фотоповествование с начала XX века и первых десятилетий советской власти в Костроме. В книге использованы воспоминания краеведа Л. А. Колгушкина о Костроме этого периода.

ISBN

Фотоматериалы из личных коллекций Б. К. Коробова, А. А. Анохина, С. С. Павлова, М. В. Ворошни-на, М. Н. Смирнова, Е. Ю. Борисовой, Г. Н. Масловой, Е. В. Маньенан, Т. Б. Преображенской, Н. Г. Соболевой, В. Афанасина, Г. Родионова, из фондов Костромского государственного , историко-архитектурного и худо-жественного музея заповедника, Государственного архива Костромской области.

Инвесторы пректа

УДК
ББК

- © ОГБУ «Госархив Костромской области», 2014
- © Т. Г. Гончарова, 2014
- © Л. А. Ковалева, 2014
- © Б. К. Коробов, 2014
- © ООО «Костромаиздат», 2014
- © ОГБУК «Костромской музей-заповедник», 2014
- © И. В. Заграбская, 2014

ISBN

Уважаемый читатель!

Ро давней традиции принято начинать книгу с предисловия, или, как говорили в старину, предуведомления, в коем сообщались бы общепользные сведения о ее содержании, значимости и вкладе в науку познания родного края. И, непременно, – кому она рекомендуется для ознакомления.

Книга эта – о Костроме и костромичах. В ней собраны сотни уникальных фотографий, многие из которых публикуются впервые. А адресована она – тебе. Мы уверены, что если ты ее открыл и читаешь эти строки, то она не отпустит тебя даже тогда, когда будет перелистнута последняя страница.

А начать бы мне хотелось с трех маленьких разновременных эпизодов.

В конце 1970-х ко мне в гости приехал художник из-под Нижнего Новгорода Валерий Новгородов. Он долго бродил по центру Костромы и как бы про себя сказал: «Какой удивительно красивый город...» Уловив мой недоуменный взгляд, он продолжил: «Неужели ты не видишь, что каждый дом имеет свое лицо, оно гармонично и неповторимо. Здесь все тепло, уютно и дышит покоем».

Спустя десятилетие очередной гость города, которого я знакомил с особенностями архитектурного ансамбля Костромы, ее историей и культурой, как-то все отвлёкшись от главной темы, а потом уж и совсем невольно заявил: «Слушай, я нигде не встречал такого количества красивых девушек!» Я промолчал, подумав: «Молодой выдать еще...», но, поедая по другим городам и весям, убедился в его правоте.

А еще через несколько лет будним летним днем повстречал на тихой костромской улице знакомого московского коллекционера, иногда приезжавшего на наши воскресные нумизматические сборища. Я удивился его неурочному появлению, а он, мягко улыбнувшись, сказал, что частенько приезжает в Кострому просто так: побродить по ее улицам, где так несуетно и неспешно, где лица горожан добры и приветливы, где можно душой отдохнуть от жесткого, бездушного и безразличного мегаполиса.

Вот так, во многом благодаря таким «взглядам со стороны» я открыл для себя множество удивительных свойств города, в котором я родился и вырос.

Человек живет здесь и сейчас. Когда он молод и азартен, ему хочется поучаствовать в чем-то грандиозном и эпохальном. Кому-то это удается. Но в основном столетия занимают повседневные, рутинные заботы и хлопоты. И, как бы оправдываясь перед более успешными друзьями юности, он со стеснительной улыбкой скажет: «Быт заел. А что поделаешь, это жизнь, старина...»

Мы стесняемся быта. Героика – она романтична и восторженна, о ней пишут романы и романсы, слагают стихи и песни. А быт воспринимается как ее антипод, как серое беспросветное прозябание на обочине жизни. И какой смысл его еще и описывать?

Вот и получается, что сведения о быте и нравах наших предков-славян-российские ученые черпают не в отечественных летописях (где этого ничего нет), а в трудах византийских и арабских ученых и путешественников да в скандинавских сагах.

Впрочем, что залезать так глубоко в исторические дебри. Скажите, кто из нас, ныне живущих, хорошо осведомлен о том, как жил его дед или прадед? Какие порядки были заведены в семье, чем занимались они долгими зимними вечерами, какие пели песни, какими играми забавлялись малые ребятишки? Да что там деды и прадеды. Когда вы последний раз видели детей, играющих в лапту? А сами сможете помыться в только что протопленной русской печи? А сплести лапты или хотя бы разрезать самовар?

Быт, это жизнеустройство бытия, сохранение традиций – все это рассыпается и исчезает с пугающей быстротой. Это – объективно и неостановимо. Но, уходя из нашей жизни, прежний быт исчезает из нашей памяти. А это, увы, рвет связь поколений, и мы уже просто перестаем понимать наших предков. А все непонятное кажется отсталым – и мы уже глядим на них снисходительно-покровительственно: ну как может Ломоносов быть великим ученым, не имея компьютерной грамотности?

В книге, которую ты сейчас держишь в руках, собрано большое количество фотографий, посвященных Костроме и костромичам. На них запечатлен тот самый быт, который, как и все в этом мире, согласно пословице, «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Конечно, сделать сейчас такое количество снимков можно за несколько часов: цифровая техника позволяет. Но этим фотографиям – от 80 до 120 лет. Тогда фотография – светопись – была делом посвященных, которых почтительно именовали фотохудожниками, а сам процесс был неким таинством.

У многих из вас бережно хранятся «кабинетные» парадные портреты мастеровых и чиновников, крестьян и купцов, солдат и офицеров, учителей и священников. Очень интересно глядеть в их лица, замершие в напряженном ожидании. Перед тем вокруг них бегал и суетился фотограф: расставлял, поправлял позы и поворот головы, потом свисался за ящиком на треноге, нырял под складки черной материи и подобно цирковому фокуснику делал пасс рукой, сдергивая и надевая черный колпачок на стеклянный глаз объектива.

И вот они чинно сидят или стоят, картинно облокотившись о жардиньерки на фоне нарисованного парка и гипсовых балюстрад. Глаза замерли, лица застыли. Еще секунда – и все придет в движение, композиция рассыплется, разублабится, загадит... Но мы этого уже не увидим. А жаль...

А ведь это – те, кто здесь жил до нас, считая (и по праву) этот город своим. Увы, лишь на время, лишь на время... От большинства из них не осталось теперь даже мраморных плит.

А они – земляки, сограждане, согорожане – были! Они жили, любили, ссорились и дружили, работали и воевали. Они ходили по тем же самым улицам, купались в Волге, плыли по ней на лодках и самолетах (так тогда назывались пароходы). Это – наши деды и прадеды. Присмотрись – может быть, екает сердце, признает родную душу?

Из огромного массива фотографий начала XX века, где запечатлена повседневная жизнь горожан, выбраны именно эти. Почему именно они? Потому что так решили мы, авторы этой книги. Как говорили древние: «Если можешь – сделай лучше». И мы вместе порадуемся новой книге о нашем любимом городе.

Поначалу мы даже не хотели делать пояснительные надписи. Решили: пусть это будет просто фотоальбом – что-то вроде немого кино, где ничто не отвечает тебе от встречи с прошлым.

Но, видимо, есть что-то мистическое в этих вековых тенистых улочках, какая-то особая аура, которая неожиданно и властно вмешивается в дела людские. Книга уже была сверстана и тут случайно (случайно?) мы наткнулись на рукопись Леонида Колгушкина. Это был человек из *того* времени, который подарил нам возможность пройтись по улицам Костромы в сопровождении... нет, не гида, а скорее доброго, мудрого дедушки, неспешно рассказывающего о далеких временах своего детства и юности... И все, что мы делали, вдруг обрело стройность, целостность и наполнилось новым более глубоким смыслом.

Жаль, конечно, что в это Зазеркалье нельзя шагнуть – и очутиться на булыжной мостовой, прицелиться к лаптам или перейти Костромку по дощатому мосту. Хотя... может попробовать. Удачи!

Сергей ПАВЛОВ.

Леонид Колгушкин

из воспоминаний старожила

КОСТРОМИЧИ

взгляд через столетие

НАЧАЛО XX ВЕКА

Авонид Андреевич Колгушкин родился 21 августа (по старому стилю) 1897 г. в г. Ярославле «в небольшом каменном двухэтажном доме, на углу Власьевской и Духовской улицы».

Его отец, Андрей Иванович, происходил из крестьян Ново-Троицкой волости Мологского уезда, а мать, Лукия Денисовна, родилась в д. Зимино, Мышкинского уезда, Ярославской губернии. «У родителей я был шестым ребенком, а из живых – вторым. Во время моего рождения отцу – Андрею Ивановичу – было 36 лет, а матери – Лукии Денисовне – 32 года, следовательно, они в то время были в полном расцвете сил», – писал в своих воспоминаниях Леонид Андреевич.

Андрей Иванович в это время работал управляющим пивным складом известных ярославских пивоваров Дурдина и Адамца. Во дворе дома были склады, в нижнем этаже – пивная, а сверху дома – квартира. Вскоре после рождения мальчика отца перевели в Кострому, где он ранее уже проживал и служил. Жили Колгушкины в доме на берегу Волги, на набережной улице. Здесь родился брат Леонид Андреевич Владимир. Были еще две сестры: Евгения и Елизавета.

В 1901 г. Колгушкины поселились в собственном новом двухэтажном деревянном доме на Ивановской улице. Вскоре, из-за болезни, отцу пришлось оставить работу. Жить семье, учить детей в гимназии на пенсию 100 рублей в год было затруднительно. Спустя некоторое время Колгушкины начали сдавать квартиры внаем семейным чиновникам, офицерам, преподавателям женского епархиального училища.

Отцеумер в 1909 г., когда Леониду исполнилось 12 лет. В это время он учился в мужской классической гимназии, после окончания которой поступил в Московское Александровское военно-артиллерийское училище.

В октябре 1917 г. Леонид Андреевич был выпущен из училища и в звании прапорщика направлен на службу в Кострому в 202-й пехотный запасный полк. Полк расформировали после Октябрьской революции. Оставшись без средств к существованию, юноша поступил в артель грузчиков, состоявшую из военнослужащих царской армии. Артель занималась разгрузкой артиллерийского склада. В 1918 г. все члены артели были арестованы по подозрению в измене советской власти, но вскоре братья Колгушкины были освобождены.

После ареста и освобождения Леонид Колгушкин вступил в ряды Красной Армии и устроился на работу в Костромской уездный комисариат по военным делам делопроизводителем, а затем занялся мобилизацией для армии конского поголовья и амуниции. Его младший брат Владимир примкнул к Белому движению и погиб в бою под Саранском.

В том же военкомате, где служил Леонид Андреевич, работала его будущая супруга, выпускница Костром-

ского епархиального училища, дочь священника Надежда Сергеевна Крылова. В 1921 г. молодые люди поженились, в семье родился единственный сын Юрий.

В 1924 г. Леонид Колгушкин перешел на работу в милицию, в конце 1928 г. был направлен в комитет по работе с беспризорными детьми.

В 1931 г. поступил на учебу в Ленинградский ветеринарный институт, где заочно проучился три года. Из-за материальных проблем учебу пришлось оставить. В октябре 1936 г. Леонид Андреевич поступил на естественный факультет заочного отделения Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского, который окончил в 1940 г.

В 1933 г. его пригласили на работу в школу-интернат слепых и слабовидящих детей, с которым он связал свою жизнь на долгие годы. В сентябре 1935 г. Колгушкин был назначен директором неполной средней школы для слепых детей. В 1940 г. учебное заведение, благодаря многочисленным ходатайствам директора, было преобразовано в среднюю школу.

В сентябре 1939 г., в начале Советско-финляндской войны, Леонид Колгушкин был назначен начальником приемно-сдаточного пункта по мобилизации лошадей, повозок и упряжи. К началу Великой Отечественной войны Леонид Андреевич был аттестован с присвоением звания старшего лейтенанта кавалерии и был допущен к совершенно секретной мобилизационной работе. Поэтому с первого дня войны участвовал в переводе всей жизни города и района на военные рельсы, руководил приемно-сдаточным пунктом, работу на котором совмещал с работой в школе.

В 1943 г. был назначен начальником им же сформированных больших воинских составов с лошадьми и фуражом, которые необходимо было отправить на фронт. Чудом остался жив, пережив трудности военной дороги и бомбежек.

В послевоенные годы школа для слепых детей, возглавляемая Л. А. Колгушкиным, была из лучших в стране. В старшие классы мечтали поступить подростки из Сибири, Урала, Кавказа, Украины и других республик и областей Советского Союза. Иногда на одно место претендовали 4–5 человек. Выпускники не забывали своего директора, писали письма, навещали школу.

В 1957 г. после смерти жены Надежды Леонид Андреевич женился во второй раз на своей коллеге – Елене Ивановне Лапиной.

Директором школы Леонид Андреевич проработал до ухода на пенсию в 1959 г. Выйдя на пенсию, он не мог жить без деятельного, живого дела – он начал писать. Леонид Андреевич, живя в Костроме с 3-х лет, хорошо знал и очень любил этот город. С юных лет он помнил известных в Костроме людей, знал много интересного и любопытного. Много времени ушло на написание «семейной хроники».

Итог писательской деятельности: «Очерк по истории костромской средней школы для слепых детей» (1 книга), очерк «Костромская старина» (1 книга), «Мои воспоминания» (десять «амбарных» книг), написанных чернилами четким, разборчивым почерком.

В 1997 г. Елена Ивановна Колгушкина передала воспоминания Леонида Андреевича на хранение в Государственный архив Костромской области, где создан его личный фонд (ф. Р-1666).

В своем биографическом очерке о супруге Елена Ивановна писала: «Эти десять томов он писал для своих потомков, но кроме сына Юрия больше никому не нужно было». Сейчас произведения Л. А. Колгушкина интересны очень многим.

Воспоминания о Костроме – история города и его людей, написанная ярко, живо, со множеством таких подробностей, которых ни из документов, ни из газет или краеведческих статей добыть нельзя. Начав читать Колгушкина, бросить это занятие посередине просто невозможно. Книгу хочется читать еще и еще... Леонид Андреевич Колгушкин в каком-то смысле явился для нас местным Гиляровским описавшим простым и со-

чным народным языком многие бытовые подробности того времени, традиции праздничных и будничных дней костромича, занятия и отдых, то, каким был наш провинциальный городок и его волжские приметы. Это типы купцов и парходчиков, иродивых и нищих, городские празднества, ярмарки и гулянья, игры детей и причуды взрослых...

Некоторые из глав этих записок были в разные годы предоставлены Е. И. Колгушкиной для публикации в журналах «Костромская старина», «Губернский дом», альманахе «Костромская земля», в костромских газетах. Конечно, в надежде, что это поможет обратить внимание издателей на уникальность рукописей Леонида Андреевича. Но этого не случилось, пока не возникла идея такого проекта у Бориса Константиновича Коробова. Фрагменты рукописей, которые приводятся в этом издании, объединены хронологически и тематически, они рисуют образ Костромы начала XX века как самобытного и дорогого сердцу каждого костромича уголка России, где история ее счастливых и печальных дней отражена правдиво, с любовью и надеждой, что молодому читателю будет интересно это путешествие во времени.

Л. А. КОВАЛЕВА,
заместитель директора по основной деятельности
Государственного архива Костромской области.

Леонид Андреевич КОЛГУШКИН
(21 августа [1 сентября] 1897 г. – 4 июля 1972 г.)

ПОЧТОВАЯ КАРТОНКА
CARTE POSTALE
Достройка.
Губерн...

СТАРИННЫЙ ГУБЕРНСКИЙ ГОРОДОК

Старинный губернский городок Кострома в западной своей части отличался тихой, строго размеренной жизнью мещан, ремесленников, рабочих, а также купечества. Основным населением здесь были рабочие текстильных фабрик, фанерного и лесопильного заводов, а также мелких предприятий различного профиля: мастерских, парикмахерских, часовых, питейных заведений.

Крупные магазины размещались в Торговых рядах и в первом квартале улицы Русинной. В восточной и юго-восточной части города, за исключением окраин, жили более привилегированные слои костромского общества: промышленники, богатые купцы, государственные чиновники и зажиточные мещане. К началу XX века население Костромы было не более 42 000 человек, не считая состава воинских частей и заключенных. В Костроме в это время мы видим много зелени: тенистых липовых, березовых и дубовых садов, почти у каждого домовладения три-четыре развесистых дерева. Панорама города с Волги, а особенно с противоположного берега от села Городища, была очень привлекательна и живописна. Заволжье всегда напоминало большую деревню, хотя там и

находился железнодорожный вокзал. Никаких крупных производств в Заволжье не было. Население его состояло из ломовых и легковых извозчиков, мелких кустарей, торговцев и железнодорожных рабочих и служащих из соседнего села Селища. Кроме извоза, занимались здесь салонным промыслом, продукция эта высоко ценилась крестьянами за прочность и относительную доступность по цене.

Городской берег Волги был очень оживленным. У самого маленького бульварчика находилась дачная пристань пароходства Наботова, за ней купальня. Дачные пароходы «Муравей», «Пчелка» и другие беспрерывно курсировали вниз по Волге, приставая к каждой даче. Много перевозилось товаров по Волге, и должно быть, между пароходствами шла жесточайшая конкуренция. Одни общества вытесняли другие. Первыми же прекратили свое существование общества «Зевеке», «Зарубини», «Каменские». Прочнее держались пароходства «Кавказ и Меркурий», «Кашини», «Русь», «Общества по Волге» и «Самолет». Последние два пароходства имели наилучшие, быстроходные пароходы, предпочитаемые более обеспеченными пассажирами.

Кремлевский соборный ансамбль. Вид из-за Волги. Фото 20-х гг. XX в.

Общество «Русь» приобрело от «Зевеке» пароходы особой конструкции, называемые американскими. Они имели по две рядом стоящие передние части корпуса и высокие черные трубы, а за кормой – огромное колесо. Названия их были также американские: «Алабама», «Миссури», «Миссисипи», «Амазонка»...

На более тихоходных пароходах вся нижняя палуба приспособлялась для перевозки скота и тяжелых грузов. Такса за провоз пассажиров на них была самая низкая, доступная для беднейших людей.

Несколько позднее пароходство приобрело более совершенные пароходы с одной трубой, но с таким же задним колесом, названия их соответствовали драгоценным камням: «Алмаз», «Изумруд», «Топаз», «Бирюза» и другие. Они также были окрашены в белый цвет и имели деревянный корпус. Эти пароходы казались чище и быстрееходнее.

Пристани и пароходы имели свою отличительную окраску. «Самолетские» – розовые, «Общества по Волге» – белые. Другие были голубые, фишашковые и т. п. Последней по течению реки являлась «казенная» пристань с белоснежными небольшими пароходами «Свяга», «Межень» и «Стрежень». Они принадлежали речной полиции, выполняющей на реке инспекторские функции. Весь берег у пристани был завален штабелями ящиков, мешков, корзин и бочек с различными товарами. Эти штабеля прикрывались громадным брезентом. Шум, гро-

хот, звон цепей и якорей, разноголосые гудки пароходов, крики и площадная брань грузчиков, снующих с огромными тюками взад и вперед по трапам, – все сливалось в единое целое, создавая картину напряженной работы Волжского порта <...>

От всех приволжских городов Кострома отличалась большим количеством церквей, окрашенных в белый, розовый, голубой и желтый цвета, с золочеными или посеребренными голубыми и зелеными главами и золотыми крестами. Все это необыкновенно украшало ансамбль купеческо-мещанского города. Кроме православных храмов были устроены домовые старообрядческие церкви, немецкая кирка, польский костел, еврейская синагога и татарская мечеть.

Кострома в начале XX века была очень красивым зеленым городом. Если бы мы в те годы жарким летом взошли на высокий городищенский холм, то перед нами раскрылась бы вся величественная зеленая панорама города, протяженностью свыше четырех километров.

Влево от нас, на стрелке, образованной Волгой и рекой Костромой, за белыми каменными стенами мы бы увидели твердою православия – Ипатьевский монастырь с его златоглавым собором, а за ним – зеленую пойму заливных лугов. Правее далеко простираются каменные громады корпусов Кашинской фабрики. Ближе к берегу – фанерные и лесопильные заводы Кузнецова, Страшнова,

Кострома начала XX в. Вид с соборной колокольни.

Ни железнодорожного, ни автопешеходного мостов через Волгу еще нет, и даль реки ничто не заслоняет

Вид на Кострому с вершины городищенского холма левого берега. Слева видна длинная Стрелка, разделяющая воды Волги и Костромки. За Стрелкой – Ипатьевский монастырь. Фото начала XX в.

Шиллинга с огромными штабелями бревен пиломатериалов и дров.

Несколько выше – корпуса «арестантских рот», Григоровская женская гимназия, духовная семинария, пекарни, ночлежный дом, военные склады, базар и маленький бульварчик. На набережной мы увидели бы пристанские дебаркадеры. А несколько выше пристаней нам бросились бы в глаза доходные каменные здания, бани Зимина, богадельня, мукомольная мельница Аристова, а далее – винокуренный завод Третьякова и маслобойный завод Толстолятова. А там, за Черной речкой, на изгибе Волги, мы увидели бы Татарскую слободу с невысоким минаретом мечети, стоящей на самом берегу Волги.

Ярусом выше представилась бы нам панорама почти всего города с небольшим числом каменных особняков буржуазии, купцов и помещиков. Городскими воротами Костромы с давних пор являлись два высоких белых обелиска, украшенных золочеными двуглавыми орлами, – это главная городская застава, называемая Московской. Если подняться от нее по Молочной горе, то налево от нас будет каменное здание, принадлежащее когда-то пекарне Кореновиной, и казенная винная лавка, около которой всегда была толпа постоянных посетителей. Здесь, направо, где раньше находилась пекарня Таганцева, а выше по обеим сторонам стояли лавочки, торгующие

различной непреходливой снедью, пивные и чайные, с продажей крепких напитков.

Если мы поднимемся дальше, то справа увидим знаменитую в Костроме начала XX века чайную «Колпаки» (позднее здесь находилась типография им. Горького). Эта чайная была резиденцией правления костромского отделения знаменитого «Союза русского народа» – «Черной сотни». Тут же нашло место Костромское общество трезвости. «Колпаками» эту чайную прозвали в народе за то, что официантки в ней носили белые колпаки, официально же она называлась «Чайная-столовая Общества трезвости». Здесь было самое оживленное место в городе. Говор, грохот колес, ржание лошадей, площадная брань, драки подпивших людей – все сливалось в сплошной гул бойкого торгового места.

Поднявшись в гору, мы оказались бы около большой розовой часовни, стоящей как раз против Молочной горы. Эта часовня была построена в конце 1880-х годов в память «убиения» царя Александра II. (В 1920-е годы она была разрушена.) За часовней находилась прямоугольная площадь, гладко утрамбованная и огороженная небольшими полосатыми черно-белыми столбиками. Ее называли «плацпарадом», так как здесь проводились строевые занятия солдат местного гарнизона и полицейских соединений.

Молочная гора. Въезд в город с Волги обрамляют обелиски Московской заставы. Наверху Молочной горы видна Александровская часовня, построенная в память об убитом в 1881 г. царе-освободителе Александре II. Фото начала XX в.

Впереди – до сего дня сохранившееся здание военной гауптвахты. Когда-то на площадке около полосатой будки стояли часовые, на металлическом флагштоке подвешен был ярко блестящий колокол для вызова караула в «ружье».

А теперь пройдем через длинный сквер против При-
сутственных мест, который называли Ботниковским, мимо гостиницы «Кострома» и подходим к небольшой, розового цвета, церкви Воскресения «на площадке». Она была огорожена металлической резной оградой и занимала довольно большую территорию в самом начале Русиной улицы (церковь снесли в конце 1920-х годов). Площадь между церковью, Гостиным двором и зданием Городской думы называлась Воскресенской. Она была вымощена булыжным камнем, и на самой ее середине стояла высокая, трех этажей, водочка, где в базарные дни останавливались сотни крестьянских подвод с различными сельскохозяйственными продуктами.

К зданию Городской думы в сторону Русиной улицы примыкали Масляные ряды, а в сторону базара – Табачные.

От церкви Воскресения, если пересечь улицу по направлению к гостинице «Старый двор», выйдем на

Ильинскую улицу и через главные ворота войдем на городской бульвар. Перед нами вид на широкую, тенистую липовую аллею, по обеим сторонам которой расставлены серые деревянные скамьи со спинками. Поперек аллеи подвешены большие круглые фонари с керосиновыми лампами внутри. Своим видом они очень напоминали турецкие барабаны. Аллея шла овалом, но повороты ее и противоположная часть в сторону базара и соборной площади почти всегда пустовали, а посетители бульвара гуляли и отдыхали главным образом на центральной ее части, где была эстрада для духового оркестра. В овале за резным палисадником находился летний ресторан. По сторонам главной аллеи были узкие аллеи с простыми скамейками. Во время гуляний по главной аллее взад и вперед ходили учащиеся, офицеры, чиновники, а по боковым – рабочая молодежь, горничные, солдаты и другая «простая» публика.

На территории ресторана, в глубине, стоял главный павильон с буфетом и кухней, перед ним на площадке находился красивый фонтан с мальчиком, держащим в руках большую рыбу, изо рта которой были струи воды. В бассейне фонтана всегда плавали живые рыбы, чаще всего – стерляди. Рыбы привлекали к фонтану детей и

подростков. С боков по обеим сторонам фонтана стояли беседки, по желанию клиентов закрывающиеся суровыми шторами. Там посетители могли заказать покушать: выпить чаю, кофе, какао. Разгулявшиеся купцы и чиновники любили покутить в узкой компании в этих беседках. На бульваре было несколько павильонов с мороженым, сладостями и лимонадом. С Городского бульвара боковыми воротами можно было выйти на Соборную площадь, мощенную мелким булыжником.

На этой площади проходили военные парады в табельные и так называемые «царские» дни, а также устраивались крестные ходы на крещенское водосвятие. Над Соборной площадью возвышался кафедральный Успенский собор с его пятиэтажной белой колокольней, раскрашенной синей отделкой, с большим количеством позолоты на главах и крестах. Оригинальные часы с золочеными стрелками были вмонтированы в верхней части колокольни на все четыре стороны. Они отбивали мелодичным боем каждый час, полчаса и четверть часа. Собор был окружен большой и высокой белокаменной оградой. Он был виден с паромов за 10–15 километров от Костромы и весьма украшал общий ансамбль города. Собор был уничтожен в тридцатые годы XX века. С Соборной площади по маленькому бульварчику можно было спуститься к красивой белой беседке, стоящей на самом обрыве

к Волге. Этот вал остался от крепостного сооружения, окружавшего в древности город. Из беседки открывался чудесный вид на все Заволжье. Кругом видны густые березовые рощи, в тени их костромские фабриканты Чумаковы, Зотовы и другие имели свои дачи.

Ну, а далее, конечно, стоило погулять на Муравьевке. Этот уютный уголок всегда был и остается до сих пор любимым местом отдыха костромичей, в особенности учащейся молодежи. Узкая аллея начиналась от Борисоглебской горы, где слева, на пригорке, за железной оградой стояла розовая церковь Бориса и Глеба, а напротив ее – губернаторский дом. От проезжей части дороги аллея отделялась простой деревянной изгородью и сплошной зеленой стеной акаций, где были установлены простые деревянные скамейки без спинок.

На выступах, называемых бастионами, стояли чугунные пушки времен XVII века. На углу Гимназического переулка эта часть аллеи прерывалась лестницей, с переулка шел косой проезжий спуск на Нижнюю Дебрю. Пройдя его и снова поднявшись по лесенке, мы попали бы на маленькую Муравьевку. Здесь была более широкая аллея и игровая площадка с игротеткой, организованной каким-то благотворительным обществом. В определенные часы на этой площадке выдавались различные игрушки детям дошкольного возраста, пришедшим

Соборный ансамбль в бывшем Костромском кремле. Справа – Успенский собор, слева – Богооявленский. Вверху возносится соборная колокольня. На переднем плане – Святые врата. Фото начала XX в.

Центр Костромы – Сусанская площадь. Памятник царю Михаилу Романову и посланнику Ивану Сусанину. Губернские присутственные места. Справа видна церковь Георгия Победоносца на Воскресенской площади. Фото начала XX в.

схода со старшими для игры. Дети получали по выбору скакалки, деревянные кольца, кегли, даже трехколесные велосипеды и больших качающихся коней.

Муравьевка заканчивалась голубой церковью Всех Святых. Из крупных зданий здесь находились два барских особняка, епархиальное женское училище и классическая мужская гимназия. Электрического освещения в Костроме начала XX века не было, и даже централь-

ные улицы освещались лишь керосиновыми фонарями с двухлинейными лампами; в самом центре были газокалильные фонари, а городские окраины и вовсе утопали в темноте. Весной и осенью, благодаря темноте и грязи, всякое движение по этим улицам прекращалось. На некоторых, более оживленных углах и у Присутственных мест стояли белые с черными полосами деревянные будки для постовых-городовых.

Нижняя Дебря. Слева – склон Муравьевки. В центре – церковь Всех Святых. Справа – церковь Воскресения на Дебре. Фото начала XX в.

ГОРОДОВОЙ И ДРУГИЕ

Описывая старую Кострому, не лишне коснуться наименования вещей, явлений и профессий, которые уже канули в вечность и которые непонятны современному ребенку или молодому человеку, т.к. ему никогда не приходилось это видеть собственными глазами. Например, видеть городского, стражника или квартального. В то время ходил такой каламбур: в воде живет водяной, в домах – домовый, а в городе – городской.

Городовой был грозой домовладельцев, мальчишек, бродяг и пьяниц. Сознательные рабочие относились к нему с пренебрежением, наружно оказывая ему некоторое уважение. Городовой был вооружен револьвером и шашкой, которую в насмешку называли «сеledкой». Нарушителям общественной тишины и порядка иногда приходилось чувствовать ее «ласку» на своей спине, конечно, не в обнаженном виде. Перед крупной буржуазией, богатыми купцами, фабрикантами и офицерами городской вытягивался «в струнку», оказывая им подострастное уважение. Для них он не был грозой.

Или взять городского ночного сторожа с деревянной колотушкой, про которого иронически говорили, что своим стуком он давал знать вора, где он находится.

Исчезла и профессия фонаричка, бегавшего вечером и утром по улицам с маленькой лесенкой и фонарем, зажигающая и гася уличные фонари. Отшли в вечность и водовозы, развозящие по утрам воду с городских водокачек, «поильщики» лошадей, а также старьевщики, скаупающие по дворам и улицам «шурум-бурум». Чаще всего это были татары.

Желанными «гостями» для мальчишек были заходящие во дворы «тряпичники» с громкими криками: «Кости, тряпки, бутылки, банки, худые, рваные резиновые калоши – давай, давай!» Подростки заранее готовились к их приходу, собирая этот «товар» где только можно: по помойным ямам, в мусорных ящиках и на городских свалках. Заработанные таким способом 10–15 копеек шли на покупку гостинцев, пробок к пугачам или пистонов к игрушечным пистолетам, а также на резину для рогаток и прочее.

Волжский губернский город с его широкой торговлей и строительством втягивал в себя большое количество рабочих: крестьян со специальностью, различных строительных рабочих, плотников, каменщиков, столяров, маляров, стекольщиков, жестянщиков, точильщиков, а также людей без определенной специальности – черно-

Начало Русинной улицы (с 1918 г. – ул. Советская). В центре выстает церковь Ильи Пророка. Фото начала XX в.

рабочих. Все они или объединялись в артели вокруг подрядчика, или же работали в одиночку. Особенно большой наплыв их был с весны и до поздней осени, до Покрова. Предложения рабочей силы всегда превышали спрос, что усиливало эксплуатацию со стороны предпринимателей, которые на дешевой рабочей силе наживали себе весьма приличные капиталы.

Костромские мастера-евы. Фото начала XX в.

КОСТРОМСКИЕ ЗИМОГОРЫ

Область торгового города, в особенности широко разрекламированные различные питейно-увеселительные заведения, засасывали некоторых неустойчивых пришельцев, и они, спиваясь, попадали в так называемую «золотую роту». На этом и хочется остановиться более подробно. Основным местом пребывания их была Молочная гора с ее многочисленными чайными, «казенкой» и знаменитой столовой-чайной «Колпаки», о которой уже говорилось. Тут же неподалеку, против спасательной станции, находился ночлежный дом, организованный крупным костромским хлебным торговцем и пароходчиком Федором Ивановичем Черновым. За пять копеек здесь можно было переночевать, а утром получить горячий кивяток, фунт хлеба и кусок сахара. В настоящее время этот дом заселен постоянными жильцами, но на чугунной доске, смонтированной в стене у входа, сохранилась следующая надпись:

«Сей ночлежный дом построен костромским купцом Федором Ивановичем Черновым на свой капитал для нуждающихся в бесплатном ночлеге, без различия всякого сословия, обоего полу и передан на вечные времена в костромское городское общество. Открыт в 1890 году».

Пользовались ночлежным домом только по зимам, а в теплое время года предпочитали свободу волжского берега и штабеля дров и бревен. Во всех волжских городах таких людей называли босьями, у нас же в Костроме их звали зимогорами. Трудно сказать, каково происхождение этого слова. Можно предполагать, что оно происходит от слов «зима» и «Молочная гора». А может быть, слово «зимогор» составлено из сочетания слов «зима» и «горевать». Не только «зимогоры» или «золоторотцы» были посетителями этого приюта сна, там ночевали всякие нищие, странники, пропившие чиновники, случайные прохожие и прочий бездомный люд.

Молочная гора. Слева виднеется дом купцов Колодезниковых. Ниже его - церковь Архангела Михаила. Фото начала XX в.

Костромские зимогоры. Фото начала XX в. Д. И. Приличникова

*Костромской городской голова
Василий Иванович Чернов (1826–1892 гг.), Купец I гильдии.
Возглавлял городское самоуправление в 1883–1892 гг.*

Зимогор почти не воровал, редко нищенствовал. Он трудился: летом работал грузчиком на Волге или на железнодорожном вокзале, носил различные тяжести с базара. Зимогоров нанимали при переезде горожан с одной квартиры на другую; зимой он занимался колкой дров по дворам, расчисткой снега. Но нигде он не мог работать подолгу, так как ежедневно к вечеру напивался. В отличие от обычного рабочего, зимогора всегда можно было определить по опойному, небритому лицу, фартику из мешковины, по лаптям зимой и босым ногам летом. Все его имущество было при нем. Лишнее немедленно пропивалось.

Зимогоры очень любили пить «в складчину» или, как они любили выражаться, «спянуть». Иногда пропивалась и самая необходимая одежда, без которой нельзя было выйти к людям. В этом случае он крутом обвязывался своим фартикум и шел спать на берег в штабеля бревен, а друзья в это время принимали меры к приобретению для него каких-нибудь штанов.

Для доказательства честности костромских зимогоров можно в качестве примера привести такой случай. Как-то, вскоре после Русско-японской войны, ранним весенним утром, проснувшись, уважаемый в городе учитель Виктор Никанорович Лаговский увидел стоящих около своей кровати трех здоровенных обормотцев. Сильно испугавшись, он крикнул: «Что вы тут делаете?» Один из них спокойно ответил: «Не пугайтесь. Мы ждем, когда вы проснетесь. Входя в квартиру, мы не знали, что в ней никого нет. Мы хотели просить работы. Увидя вас, мы не посмели выйти до вашего пробуждения, боясь, что вы могли бы подумать, что мы что-нибудь у вас взяли. Соболаговолите нас отпустить и не откажите в двуривенном».

Успокоившись, Виктор Никанорович беседовал с ними еще несколько минут, посоветовав им и в будущем быть такими же честными. На прощание подарил целый рубль. Позже выяснилось, что его супруга и прислуга, уйдя на базар, забыли запереть квартиру.

Маленькими партиями играли зимогоры в азартные игры на деньги, особенно в «орла и решку». Бывали между ними ссоры, драки, но дело до убийств почти никогда не доходило. Полиция к зимогорам относилась очень снисходительно, даже иногда обращалась к ним за помощью, когда нужна была физическая сила.

Как уже ранее было сказано, в зимогоры попадали оторвавшиеся от деревень неудачники-отходники, завлеченные круговоротом торгового города в свои сети. Они были различного возраста, но более 45 лет редко кто из них доживал. Среди них нечасто были люди других сословий, как-то: спившиеся чиновники, церковные певчие, попы-расстриги и выходцы из интеллигенции. Эти люди держались особняком и только поневоле встречались с зимогорами на работе или в ночлежном доме и полицейском участке. Такого сорта люди не особенно любили физический труд, а только проживали и пропивали остатки своего скарба, писали по просьбе неграмотных различного рода прошения и ходатайства. В большинстве же занимались попрошайничеством, афишируя при этом свои прежние заслуги и достоинства: «Господа! Подайте бывшему студенту на хлеб!» «Окажите посылную помощь бывшему политическому сысьному!»; «Поддержите пострадавшего за справедливость, поборника истины и честности!» и т. д.

Можно указать в качестве такого живого примера на судьбу бывшего мирового судьи Ивана Александровича Красовского. Вначале он заливал раз-два в год и пил месяца по два, пока не пропивал все, что наживал во время трезвых месяцев. С первых дней запоя уходил из дома в ночлежку, получал «меню» и продолжал пить. Он был совершенно одинок. В конце концов лишился работы, опустился безвозвратно и умер, как говорят, «под забором».

Панорама старой Костромы. На переднем плане река Кострома впадает в Волгу. Дамбы, появившиеся здесь в 50-е гг. XX в., еще нет, а низменные зиркалье луги простираются до горизонта. Вид с соборной колокольни. Фото В. Н. Кларака. 1910-е гг.

НИЩИЕ, БЛАЖЕННЫЕ И КУТИЛЫ

Даже среди этих людей, дошедших до грани падения, находились такие, которые и в их среде были объектами для насмешек и издевок. К таким можно отнести Тузьку. Это был мужчина средних лет, высокого роста, несколько сутуловатый, с лохматой нечесаной бородой. Он был постоянно пьян или с большого похмелья и постоянно голодный. Обладая нечеловеческим аппетитом и полным отсутствием брезгливости, он ел все, что попадало ему на глаза, выбирал съедобное из помойных ям и мусорных ящиков, собирал объедки со столов в чайных и трактирах, складывая все вместе в грязное ведро. При еде часто вместо ложки пользовался первой найденной в мусоре щепкой. Он не имел своего угла и ночевал в мусорных ящиках или под кустами, редко в ночлежном доме.

Настоящее его имя было Кузьма, а собачью кличку дали ему зимогоры для того, чтобы подчеркнуть этим его полное ничтожество. Тузьк не отказывался ни от какой работы. На самую трудную и грязную работу рекомендовали только его. Тузька пытался скупать кости и тряпки, но на это мероприятие у него почти никогда не хватало «оборотного капитала». Поручали ему расклейку афиш увеселительных заведений, но он съедал клейстер, и его прогоняли. Однажды в общественную уборную какой-то

купец уронил золотые часы с цепочкой. Никакими способами не смогли их вытащить. Тогда решили позвать Тузьку. Купец обещал за эту работу три рубля. Тузька, не раздумывая, разделся и погрузился в яму, где содержимое дошло ему до груди. Босьми ногами он нащупал часы, но поднять их с помощью ног никак не мог. Тогда, заткнув паклей нос и уши, он опустился в жидкость с головой и часы достал. Получив заработанные таким путем деньги, он убежал на Волгу, долго полоскался в холодной воде, а потом кутил несколько дней в одиночку, так как из брезгливости разделить с ним компанию не хотел ни один зимогор.

Еще хуже бывало с одинокими людьми, лишенными природой ума. Умственно отстающим очень трудно приспособиться к самостоятельной жизни, а на общественное признание в богательни такие люди попадали очень редко. Примером может быть паренек по имени Васи, а по кличке Кук. Имея достаточную физическую силу и почти полное отсутствие ума, он, кроме того, был еще и косноязычен. Двигался он качающейся походкой и не был вовсе приспособлен к самостоятельной жизни. Этим воспользовался зажиточный человек А.кий, который, взяв его на свое попечение, нещадно эксплуатировал на самой тяжелой физической работе, предоставив

Воскресная толкучка у стен Костромского кремля. 1910-е гг.

ему для сна и отдыха сараюшку вместе с дворовой собакой. За каждую оплошность хозяин наказывал Васю поркой и зуботычинами. Ребята окрестных дворов смеялись над Куком и всеми способами издевались над ним. Однажды с Васей приключился печально кончившийся для него случай. Как-то летом хозяева всей семьей куда-то уехали, оставив на попечение Васи запертый дом и пять штук овец, которых приказали кормить, а главное, чаще поить. Вода была оставлена в большом чане, покрытом брезентом. Вася усердно старался поить овец, ежедневно подтаскивая их к чану. Овцы, конечно, так часто пить не могли, но же растревались и даже плакали. Ребята в шутку советовали ему отрубить овцам головы и положить их в чан с водой, тогда, мол, они будут пить все время. Кук так и сделал. Приехавший хозяин жестоко избил Васю и прогнал со двора. Что с ним стало впоследствии, неизвестно.

Много лет по улицам города ходила маленькая старушка, весьма странно одетая. Ее звали Матреша-дурочка. Зимой и летом она носила старую соломенную шляпу с цветами и яркими лентами. В городе говорили, что в молодости она влюбилась в красивого дьякона и, когда он уехал из Костромы, психически заболела и всю жизнь ждала его возвращения. Жила она у дальних родственников в рабочем районе, а пропитание добывала сбором милостыни. В городе ее знали все и часто вызывали на

разговор о ее «любимом». Тогда Матреша мгновенно оживлялась и с молодым задором шепотом сообщала, что дьякон овдовел, скоро приедет в Кострому, и они обязательно поженятся. Умерла она в глубокой старости, так и не дождавшись объекта своей любви. Матрешу в Костроме любили и ребятам запрещали ее дразнить. Малыши же ее очень боялись, принимая за бабу-Ягу.

Немало было в старой Костроме странных личностей, но о всех написать невозможно. Много было вопиющей бедноты, добывающей себе пропитание сбором милостыни, но были и такие нищие, которые эту профессию рассматривали как выгодный и легкий источник дохода. Так, у одной нищей старухи, обитавшей в грязной конуре, после ее смерти в 1910 году было найдено более 1 500 руб. наличными деньгами и на несколько сот рублей процентного выигрышного займа, по тому времени это был довольно приличный капитал для бездельного существования.

Теперь скажем и о тех, кто не бедствовал, кому деньги не давали покоя, но кому и в голову не приходило употребить их на помощь ближнему и спасение человека от нужды. Одна молодая вдова, которой покойный муж оставил большой каменный дом на Муравьевке и довольно приличный капитал в банке, вдруг вообразила, что она серьезно заболела, не может встать с постели,

так как при этой попытке у нее немедленно выпадут все внутренности. Окруженная толпой домашней прислуги, заинтересованной в продолжительности болезни, наняв высокооплачиваемых врачей, она вылежала в постели девять лет, и только революция, освободив «больную» от подвижной и недвижной собственности, быстро излечила болезнь. Лишившись ухода, вдова встала с постели и потом еще много лет работала в советских учреждениях, полностью забыв о своем недуге.

А вот другая интересная история, похожая на анекдот. Некая гражданка Т-ва, будучи одинокой старой девой, находила себе утешение в воспитании кошек, причем только женского пола, которых в количестве до 20 штук при отличном кормлении держала в двух специальных комнатах с соответствующей обстановкой. К ним были прикреплены две горничные, но кошки по прихоти барыни были лишены общения с котами. В таком же положении она семнадцать лет держала в хлеве телку, которая никогда не телилась и не доилась. От своей многочисленной домашней прислуги хозяйка также требовала соблюдения безупречной нравственности...

Особый тип кутилы формировала страсть к картам. Бывали случаи, когда за несколько часов азартной карточной игры люди лишались десятков или даже сотен тысяч рублей. Известен случай, когда каменный двухэтажный дом на Русиной улице (Советская, 55) его владельцем вместе с тройкой лошадей был проигран в карты за одну ночь.

Особенно не давали покоя деньги известному в начале XX века богачу и выдумщику, купцу и пароходчику Угличанинову. Живя в основном в Нижнем Новгороде, он, имея предприятия в Костроме, часто приезжал сюда, проводя время в бесшабашных кутежах. Его приезда с нетерпением ожидали многочисленные собутыльники, а главное, владельцы гостиниц и буфетчики, так как его приезд всегда сулил огромные доходы.

Зная буйный нрав, к его приезду из зал и кабинетов гостиниц и ресторанов убиралась вся ценная обстановка и зеркала, которые заменялись похожими, но дешевыми. Буфетчики в пустые бутылки из-под шампанского наливали лимонад, а в винные — подкрашенную воду.

Пьяневший Угличанинов обязательно бил зеркала и оконные стекла бутылками, хватая их с буфетной стойки, куда буфетчики предварительно и ставили фальшивые. Он любил обливать шампанским своих друзей и случайных подруг, но для этого, конечно, подавались настоящие вина. После кутежа щедро оплачивал как лучшее шампанское, а дешевые зеркала как обрезанные «бемские».

Однажды летом Угличанинов, подобрав десятка два зимогоров и одевшись в шубу, валенки и теплую шапку, сел в сани и заставил зимогоров под пение «Дубинушки» и похабных частушек возить себя вдоль Русиной улицы и по площадям. Блюстители порядка, боясь гнева, препятствий его развлечению не чинили, зная, что и им перепадет немалый «куш».

Вид на соборы и Соборную площадь от Торговых рядов. Фото начала XX в.

А купцу С-ву не давал покоя Богоявленский женский монастырь. Некоторые молодые монахини, в особенности послушницы, ходящие по городу и окрестным селениям с кружечным сбором на «благолепие храма Божьего», вызвали кривоноголки. С-в, закупив у крестьянина дер. Тепры Шунгенской волости целый воз плетеных люлек для укачивания детей, направил их в монастырь с запиской на имя игуменьи. Этот случай вызвал большие толки в городе, и игуменья вынуждена была расстаться с монастырем. Бывая на церковной службе в монастыре, С-в постоянно отпускал плоские шутки в адрес молодых монахинь, а однажды, когда его пытались вывести из церкви за нарушение порядка, он взял под руки подошедших к нему двух монахинь и с пением «Вот мчится тройка почтовая...» начал бегать по церкви, произведя полное смятение среди молящихся.

«Нашему здраву не препятствуй!» – был девиз купечества, и костромские купцы в этом не отставали от прочих. Был и такой случай: один загулявший купчик, будучи в «Большой Московской гостинице» и, зная, что в это время года охота на дичь запрещена, потребовал на закуску свежей дичи. Метрдотель растерялся и побежал к старшему повару по прозвищу Головушка. Тот, не растерявшись, нашел ружье-дробовину, набил в саду ворон и галок и вкусно приготовил их под каким-то замысловатым соусом. Купец был в восторге, щедро дал повару «на водку», а когда его спросил, что это была за дичь, тот ответил: «Тетеревиный выводок из Ушаковского бора», намекая этим на городские свалки, бывшие в то время на Ушаковских ямах в конце Жоховской улицы (ул. Войкова).

Вот такие контрастные типы выделялись на общем фоне размеренной и тихой костромской жизни, всегда тяготеющей к традициям и обычаям старины.

Рынок, зеленый рад и собор. 1910-е гг.

БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ КОСТРОМИЧА

Жизнь города в целом начиналась очень рано, с восходом солнца.

Уходили сулиц ночные сторожа со своими неизменными колотушками, покидали свои посты ночные полицейские, с центра улиц уезжали «ваньки», фонарщики гасили ночные уличные фонари. На их смену выходили стахи городских стад, извещающая скотовладельцев звуками рожков и по-

хлопыванием огромными киутами. Потом мычание спускаемых в стадо коров и коз сливалось с могучим гулом свистков фабрик и заводов, вызывающих на тяжелый труд рабочих. Вслед за коровниками поспешно выходили рабочие мужчины, женщины и подростки, двигаясь большими толпами к месту работы.

Домашние же хозяйки – одни затопляли печи, другие спешили на базары к центру или к Сенной площади, где

Традиционная конная ярмарка на Сенной площади. Фото начала XX в.

уже с вечера собирались сотни крестьянских подвод с дровами, сеном, соломой и различными продуктами.

Около 8 часов утра весной и осенью бежали в свои учебные заведения гимназисты, гимназистки, реалисты, семинаристы, епархиалки и учащиеся городских и ремесленных училищ.

К 9 и 10 часам шли в свои учреждения костромские чиновники, а из ворот почты на Павловской улице выходили почталыоны с утренней разностной корреспонденции.

Во дворы заходили торговцы и торговки зеленым луком, селедками, молоком, горячими булками, пышками и даже мороженым. По улицам с громким криком проезжали крестьяне, продающие картофель, угли, а осенью – репу, арбузы, огурцы и капусту.

Показывались к обеду шарманщики, завлекая жителей мелодиями своего инструмента и предлагая «счастье», предсказывая судьбу. Желаящим за определенную плату узнать свою судьбу билетиками счастья из маленьких

Сусанинская площадь. В доме генерал-лейтенанта и сенатора С. С. Борцова, построенном в 1819–1824 гг., с 1871 г. размещался Костромской окружной суд. Фото начала XX в.

ящичков вытаскивали попуган, морские свинки, белые мыши и прочие мелкие дрессированные животные.

Нередко случались на костромских улочках «итальянцы» с обезьянками, одетыми в красочные костюмы и проделывающими акробатические упражнения, чем доставляли большое удовольствие детям и взрослым. Не меньший интерес вызывали китайцы, торгующие вразнос китайской мануфактурой. Они были одеты в неизменный синий костюм, назад по спине спускалась черная коса изпод чудной шапочки. Плохо владея русским языком, они громко кричали: «Гоп, тавара!» А чтильщики, стекольщики, лудильщики, старьевщики и трюпичники своим криком настолько надоедали, что некоторые домовладельцы запирали ворота и калитки на замки или же вывешивали дощечки с надписью: «Во дворе злые собаки».

Так продолжалось до вечера. К концу дня уличный шум медленно затихал. Рабочие дневных смен, служащие и учащиеся возвращались домой. По улицам шли с пастбища стада, наполняя воздух пылью и запахом парного молока, и ребятишки смотрели, какой масти корова шла первой. Если это была красная, то они говорили, что завтра будет хорошая погода, а если впереди шла черная, то на другой день считали, что обязательно будет дождь.

Солнце склонялось к западу красно-багровым шаром, медленно утопая в тихой пучине верховья Волги за золотыми главами Ипатьевского монастыря и стрелки. Молодежь гуляла на бульварах, а люди среднего возраста и пожилые заканчивали свой трудовой день за ужином и вечерним чаем. Некоторые перед самым сном любили посидеть на скамеечках перед домом. Все стихало. Так заканчивался обычный трудовой день рядового костромича.

ВЫЕЗД ПОЖАРНЫХ КОМАНД

Самым важным происшествием в городе считались пожары. Тут уж без нашего присутствия не проходило ни одного из них. Как только мы слышали громкие, частые удары пожарного колокола, а потом грохот пожарного обоза о бульварную мостовую, мы все бежали в направлении этого звука.

Действительно, выезд пожарных команд представлял из себя великолепное зрелище: прекрасно откормленные лошади галопом мчались по улицам. Впереди всех скакала верховой, в обязанность которого входило первым прибыть к месту пожара, а потом вернуться и вести за собой весь пожарный расчет. За верховым скакала четверка лошадей с брандмейстером, непрерывно трубющим сигнальнику, топорищкам, ствольщикам и пожарным других специальностей. На этих огромных красных дрогах везли багры, раздвижные лестницы, пожарные рукава, ручную пожарную машину, факелы в медных подставках и прочий пожарный инвентарь. Все блестело от ярко начищенной меди касок, факелов, стволов и прочего. За

Гуляние в озарде Ипатьевского монастыря в Троицын день. Фото начала XX в.

упряжкой мчались тройки с пожарными машинами и добавочным пожарным инвентарем, а далее следовало несколько упряжек с бочками воды.

Действительно, было не что полюбоваться, в особенности, когда на большие пожары проводился сбор всех частей пожарных команд. В то время в Костроме, не считая Заволжья и фабрик, их было три и все они отличались различной мастью лошадей. В главной пожарной части вначале были светло-серые, впоследствии замененные вороными, в Воскресенской части были гнедые лошади, а в Добровольном пожарном обществе – светло-рыжие.

Каждый выезд главной пожарной команды всегда сопровождала большая мохнатая рыжая собака из породы волкодавов по кличке Бобка, общий любимец всех пожарных работников. Говорили, что на пожарах она не раз выносила из горящих домов детей. При звуке пожарного колокола этот постоянный и бесменный дежурный первый выскакивал в открытые ворота и всегда бежал сбоку головной упряжки.

Будучи уже очень старым, Бобка как-то попал под пожарные дроги и был задавлен насмерть. Из его шкуры сделали чучело, которое сохранилось в музее даже в революционные годы. Много лет спустя, по военной работе, мне приходилось бывать в пожарной команде, и я видел свято хранившиеся там чучело Бобки. Мне приходилось наблюдать и условный рефлекс, выработанный у лошадей на пожарную тревогу. Как только они слышали электрический звонок с каланчи, который заменил пожарный колокол, мгновенно рвались из своих станков к упряжкам. Хомуты с приподнятыми дышлами были всегда наготове. Быстро открывались стойки, и каждая лошадь стремительно бежала на свое место и всовывала голову в хомут.

Даже огромный белый мохнатый козел Кузя или, как его чаще называли, Василий Иванович, и тот при тревоге вскакивал на ноги и громким блеянием высказывал свою нервозность, хотя на пожары его никогда не брали. Он часто гулял на пожарном дворе, а иногда выходил и на Сусанинскую площадь к Мучным рядам, пугая прохожих своими огромными рогами с закрепленной спереди их медной доской. Кстати сказать, пожарные приучили его

к курению и оставляли ему недокуренные сигарки. Он делал несколько затяжек дымом, а потом с большим удовольствием разжевывал и съедал остаток сигарки.

В каждой пожарной команде, как и в любом конном парке, обязательно держали козлов по примете, что они оберегали лошадей от ласки – зверька, который щекочет лошадей и пугает их гривы. Насколько это верно, я судить не берусь.

Припоминаю, что добровольная пожарная команда ходила на Марынской улице, в красном кирпичном корпусе, на углу, а каланча с дежурным пожарником была в начале на верхнем этаже колокольни Покровской церкви, а потом на вновь выстроенной водонапорной башне. Говорят, что раньше тут была деревянная каланча, которая сгорела, а дежурный еле спасся, прыгнув сверху на натянутый брезент. Сравнить по скорости прибытия на место пожара конного обоза с современным автомобильным транспортом, конечно, нельзя, но парадность выезда раньше была куда выше. При уровне пожарной техники того времени старые пожарные работали неплохо, среди них было много энтузиастов своего дела, в особенности среди членов добровольного общества.

Пожарная команда перед пожарным депо на Сусанинской площади. Фото начала XX в.

КОСТРОМСКИЕ ИЗВОЗЧИКИ

На площадях и углах центральных улиц находились биржи извозчиков, среди которых были так называемые «лихачи», которые отличались от обычных извозчиков тем, что имели лошадей рысистой породы, да еще с нарядной их упряжью. Медвежий шкурки – зимой и блестящая кожа – летом дополняли общий антураж экипажей, которыми правили извозчики в красивых кафтанах и лакированных шляпах.

Такса за проезд у них была, конечно, выше. На Молочной горе ожидали пассажиров «ваньки» – это были крестьяне близлежащих деревень, выезжающие в город на сезонные заработки по извозу. Они отличались от коренных извозчиков слабыми рабочими лошаденками, бедной экипировкой транспорта, а также и дешевой. Чаще ими пользовались в ночное время и для дальних деловых разъездов по городу.

Современного ребенка удивило бы то, что в городе нет ни одного автомобиля, не слышно звука самолета или радио. Но его бы огуливал стук колес экипажей и телег по булыжной мостовой, поразило огромное количество конного транспорта. На каждом шагу он видел бы легковых и ломовых извозчиков, пары и тройки земских и почтовых лошадей, блестящие одиночные и парные выезды костромских богачей. Изредка можно было видеть кареты в дышловой русской и английской упряжках, различные

ландо с кучерами, одетыми в бутфорские кафтаны и замысловатые шляпы, и то, как тысячные рысаки доставляют удовольствие небольшой кучке «прожигателей жизни».

Неудивительно, что на улицах города встречалось такое большое количество конного транспорта, ведь других средств передвижения не существовало. Вся связь с близкими и отдаленными уездами и населенными пунктами, а также доставка почты проходила на конной тяге. Так, один только предприниматель Загаров, говорят, имел на всех трактах губернии не менее 300 троек лошадей, а был еще Кудришов, а также конный транспорт земской почтовой станции. Главный «штаб» Загаровской станции помещался на Русинио улице, дом № 7, а конюшни ее входили на улицу Никольскую. (Свердлова).

Бородатые мужички-крестьяне в армяках или полушубках из овчин, крестьянки, одетые в домотканые костюмы особого покроя с неперменными фартуками и ситцевыми платками на головах, сновали тут и там. На ногах почти у всех были лапти. Городская толпа у Торговых рядов была достаточно пестрой. Здесь можно было встретить и городского франта в цилиндре или котелке с тросточкой в руках, в costume особого покроя, и дам в платьях со шлейфами в огромных шляпах со страусовыми перьями или цветами, и разночинцев в темных сатиновых косоворотках. <...>

Павловская улица (сопр. проспект Мира). В 1907–1911 гг. в первых двух ее кварталах был разбит сквер, получивший название Романовского. Фото 1910-х гг.

КОСТРОМИЧИ В ЧАСЫ ДОСУГА

Чем же жили люди того времени, каковы были их интересы, как они развлекались, проводя свой досуг и праздничные дни?

В зимнее время буржуазия, купцы, чиновники, офицеры вечерами любили посещать клубы и так называемые собрания, где устраивались благотворительные и прочие вечера и концерты. Или, собираясь там запросто, они играли в карты и в настольные игры, например в бильярд, читали газеты, журналы и прочую литературу, обменивались новостями, коллективно или одиночно ужинали, политиканствовали. Иногда там устраивались банкеты и отмечались всевозможные юбилеи. Такими местами были: Дворянское собрание на Павловской улице, Общественный клуб на Русиной улице (Дом офицеров), офицерское собрание и несколько сословных клубов. Жены костромской элиты в обычные дни занимались визитами друг к другу или хлопотали по части благотворительности.

Люди попроще: мещане, ремесленники, рабочие – свободное время больше всего проводили дома, занимаясь

хозяйством, какой-нибудь подработкой. А те, кто помоложе, иногда посещали Народный дом (позднее клуб «Красный ткач»).

Учащиеся и молодежь устраивали вечера в своих учебных заведениях. Совершали прогулки на лыжах за город или катались на коньках на Медном, Боровковом и Козьмодемьянском прудах (пруды позднее были засыпаны). Другие предпочитали лед рек Волги, Костромы и Запрудни.

По вечерам в субботу и воскресенье молодые парни и девушки флинеровала взад и вперед по левой стороне Русиной улицы от центра до Козьмодемьянского переулка, заводили знакомства и романы. С наступлением весны гулянье переносилось на Муравьевку, причем было в традиции хлестаться прутьями, которые тут же срывали с кустов акации. Богачи и разгулявшиеся купчики свои прогулки совершали на тройках до трактира «Капернаум» по Галичскому тракту или до деревни Поддубное – по Кинешемскому.

Существовали в то время в Костроме и публичные дома – в конце улицы Павловской и на улице Смоленской.

*Народный дом на Власьевской улице (совр. ул. Симановского)
построен губернским комитетом попечительства о народной трезвости в 1902–1904 гг. Фото начала XX в.*

Прочтета и свободная проституция, как порождение униженного морального и материального положения женщины того времени. Узаконение этой профессии проводился полицией, выдававшей таким женщинам «желтый билет» (паспорт на твердой желтой бумаге).

Что касается традиций отдыха дворянского сословия, то летом костромские дворяне выезжали в свои деревенские усадьбы. Бурауазия и богатое купечество тоже имели собственные летние дачи, преимущественно в живописных уголках вниз по Волге, на Покше или Сендеге. Дачи были в Витове, Пушкине, Троице, Орлеце, Гомонихе и, конечно, в Густомосове и Плесе.

Те же, у кого не было собственных дач, снимали крестьянские дома в Становщикове, Качалове, Катине, Подольском и в других прибрежных деревнях. К услугам дачников всегда были пригородные пароходы Набатова: «Муравей», «Пчелка» и другие.

Основное же большинство костромичей оставалось в городе, дыша пылью и изнывая от жары. Привычным удовольствием для большинства было выйти к вечеру во двор с самоваром, в который обязательно накладывали основные или еловые шишки: дым от самовара отгонял комаров и прочих мошек.

А чай казался особенно вкусным и затягивался до позднего вечера. Некоторые любили посидеть на скамейках на улице или завалинках у домов, наблюдать за жизнью города в вечернее время и побеседовать с соседями. А еще в праздничные дни ходили гулять за Волгу, за реку Кострому на стрелку или в ближайший лес, беря с собой покушать, и тоже иногда прихватывали самовары.

Рабочие не имели времени для частого отдыха и только в большие праздники: Пасху, Троицу, Иванов день или же в Семик и Яриловку – обязательно отдыхали за городом по Кинешемскому тракту или за Лазаревским кладбищем (закрытом в 1930-х годах) и военным стрельбищем, а то отправлялись на прогулку по Молвитинскому тракту за фабрику Брунова (ныне «Красная Заревка»). Другими любимыми местами отдыха были Заречье за Волгой, Костромой и Запрудня. Туда выезжали торговцы квасом, пивом, водами и всевозможными сладкими и закусками.

Иногда устраивались народные гуляния на городском бульваре, где проводились аттракционы в виде бега в мешке, бега с завязанными глазами и ящом в деревянной ложке на вытянутой руке, устраивались лазанья по гладкому шесту или проверки своей силы на различных силомерах, тир и торговля мороженым. На бульваре ежедневно играл военный духовой оркестр. Учащаяся молодежь разгуливала по главной аллее бульвара, а солдаты и рабочие – по боковым.

Прохаживались по набережной, на пристань или катались на собственных лодках, а также могли их брать в прокатной станции, которую содержали частные предприниматели. Были в то время и платные купальни. Большинство же костромичей предпочитало естественный пляж на правом берегу Волги, против города, где песчаные косы доходили почти до самого фарватера. Конечно, дело не обходилось без несчастных случаев, так как специальных спасательных лодок на том берегу не было, а спасательная станция у Молочной горы была слишком далеко.

Посещение родственников после венчания. Холматов Г. Ф. с сестрой – уроженкой Л. И. Григорьевой. Фото 1890 г.

Масленничное катание. Воскресенская площадь. Фото начала XX в.

Одним из самых веселых праздников была Масленица, ее отмечали все – от малых детей до стариков, от богатых до бедных. Конечно, каждый отмечал ее по своему достатку. Этот языческий праздник крепко укоренился в народе как праздник начала весны и проводов зимы. Он всегда был приурочен к последней неделе перед Великим постом. Настоящий праздник начинался со среды Масленичной недели. К этому дню на плацу, где всегда проводились ярмарки, а также на льняной площадке устраивались увеселительные предприятия: карусели, качели, балаганы, зверинец и популярный театр с Петрушкой. Иногда приезжал и цирк.

Среда – это был праздник и для крестьян окрестных деревень. Существовал обычай в этот день приезжать в Кострому «молодым», с ними обязательно приезжали и родители. «Молодой», как правило, всегда надевал черные чепанки с повернутыми голенищами и обязательно новые глубокие кашоши. «Молодая» всегда была в бархатной или плюшевой шубе, в новых валенках и в шелковой или шерстяной светлой шали. Некоторые первый и единственный раз в жизни в этот день надевали шляпы, которые часто не соответствовали сезону и не гармонировали с костюмом, что вызывало искренний смех у горожан.

«Молодые» всегда катались вдвоем на двухместных легких саночках. Лошадь была украшена праздничной, с блестящими безделушками, сбруей, а в гриву и хвост

вплетались разноцветные ленты. На шею ее обязательно надевался хомут с бубенцами. «Молодой» правил лошадью, всегда выставив одну ногу за борт саночек, отвернув полу шубы и выставя напоказ чуб, лихо заломив шапку на самый затылок. «Молодая» же непрестанно лущила семечки.

Родители в это время важно ходили по торговым рядам, по базару и слонялись около балаганов, тут также все обязательно лущила семечки. Это крестьянское гулянье горожане называли «слонами», а правильно было бы называть «слонами», так как молодые и старые крестьяне в этот день бесцельно слонялись в центре города. Досыта накатавшись, «молодые», отправив лошадь на постоянный двор, шли гулять по галереям торговых рядов, около балаганов, катались на качелях, а некоторые даже и на каруселях. Костромичи в этот день почти не принимали участия в гулянье, а лишь выходили в центр только полюбопытствовать или найти знакомых.

Во второй половине дня крестьяне семьями шли в чайные и трактиры пить чай с баранками. Некоторые заказывали порцию традиционных блинов, которые в эти дни в изобилии выпекались во всех пищевых торговых предприятиях, и даже раскошеливались на «коосушку» водки.

С четверга все учебные заведения прекращали занятия до Чистого понедельника, и учащиеся гуляли по праздничным улицам города.

Сусаннская площадь во время Девятой ярмарки, которая открывалась в 9-ю неделю (воскресенье) по Пасхе – отсюда и название. Фото А. А. Макаревича. 1905 г.

Извозчики, и в первую очередь слободские татары, готовили своих лучших лошадей, специальную масляничную сбрую, возки, новые розвальни и выезжали на биржу к Торговым рядам.

Самые богатые и красивые тройки были у Маметевых и Женодаровых, а из городских предпринимателей – у Загарова и Кудряшова. Вместительные сани, окрашенные в белый цвет и отделанные ковровой обивкой, сытые, вычищенные лошади, украшенные бубенцами и разноцветными лентами в предрезательно завитых, а потом расчесанных хвостах и гривах – все ласкало взор и у каждого вызывало страстное желание прокатиться, но по цене это было доступно далеко не каждому. Парная упряжка была дешевле, а еще доступнее – одноконная, в розвальнях, покрытых ковром. Самым же доступным для катания транспортом были «ваньки», которые стояли на бирже сверху Молочной горы. За один рубль они катали часа два компанию в 3–4 человека.

К полудню количество катающихся все прибывало, и они образовывали сплошной круг, который двигался в одном направлении от Воскресенской площади по Русиной, Смоленской и Павловской улицам, выезжая снова на Воскресенскую площадь. В кругу лошади шли только шагом, а кому такая езда надоела, они выезжали из круга и ездили по свободным улицам, как им хотелось.

Богачи также выезжали на собственных «танцующих» рысках, но долго в кругу оставаться не любили, предпочитая быструю езду на свободных улицах.

Учащаяся и рабочая молодежь гуляла сплошной стеной по Русиной улице, в рядах и около зрелищных предприятий. А в это время в ресторанах, гостиницах, трактирах, кухмистерских и чайных пеклись стопки румяных блинов, которые подавали на столы с различной рыбной закуской, икрой, сметаной и топленым маслом, так как церковным уставом употребление мясной пищи в масляничные дни не разрешалось.

Не было в Костроме ни одной семьи, где бы в эти дни не пекли блинов, в богатых же семьях блины превращались в настоящее «обжорство», вплоть до болезней. Помнится один случай, когда именитый костромской купец Ст-н, отличающийся высоким ростом, отменным здоровьем и весом свыше десяти пудов, чуть-чуть не погиб от злоупотребления блинами. Он в одном ресторане на спор съел свыше ста блинчиков. Спор выиграл, но с сильными болями в желудке упал на пол. Друзья хотели вызвать врача, но он приказал везти себя домой прямо на конюшню, где его кучер Тихон знал средство от такого «заболевания». Кучера и конюхи положили его на солому и пудовой дугой мли ему живот. Такой «массаж» оказал положительное действие – на другой день Ст-н был здоров и продолжал справлять «широкую Масляничку».

В первые годы XX века еще практиковались в Костроме и кулачные бои. Они происходили чаще всего на льду р. Костромки между жителями Заречья и городской фабричной окраины, но они вскоре были запрещены, так как получалось много увечий и даже смертельных случаев.

Члены общества по борьбе с туберкулезом «Белая ромашка» за продажей изготовленных ими цветов у здания Дворянского собрания. Фото начала XX в.

К проводам Масленицы заблаговременно запасались смолевые бочки, ящики, дрова и различный древесный лом. Со дворов тащили все, что попадало в руки. Если хозяева своевременно не убрали годный горючий ма-

териал, он попадал в масленичный костер. Масленицу жгли около Городища по ту сторону Волги, за рекой Костромкой и на Запрудне. С наступлением темноты зажигали огромный костер, вокруг которого устраивались

В базарный день на Сусаннской площади. Фото начала XX в.

пьяски, пенье специальных масленичных песен, всевозможные игры. На этом и заканчивалось масленичное гуляние. <...>

Город шумел, в особенности в базарные дни по понедельникам, средам и пятницам. В эти дни съезжались сюда многие сотни крестьянских повоз, которые располагались на Воскресенской площади, вокруг высокой водоначки, находившейся против Гостиного ряда или же позади Лыных рядов.

Стук окovaných железом колес, ржание лошадей, гудки фабрик, заводов и пароходов, а также колокольный

звон многочисленных церквей – все сливалось в общий гуд, который был важной приметой мирной жизни приволжского губернского города.

В эти дни в городе появлялись цыгане, монахи и монахини, всевозможные юродивые, калеки, профессиональные нищие, бродяги музыканты, «марафетчики» [т. е. игроки в «контейку», «шнурок», в «орла и решку», они всегда были в вынтрисе, благодаря ловкости рук] – аферисты всех сортов и рангов, которые разными способами обманывали приехавших неопытных и доверчивых крестьян.

ТОРГОВЫЕ РЯДЫ, ЯРМАРКИ. БАЗАРЫ

Если бы мы перенеслись в Кострому начала XX века, то прежде всего нас удивило бы желание и умение костромичей торговаться, прежде чем купить товар. Особенно наглядно это можно было пронаблюдать в магазинах готового платья, которых много было в Гостиных рядах и на «толкучке». Маленькие помещения сплошь завешены были различной верхней одеждой невысокого качества с расчетом на деревенского покупателя. Такие магазины имели преимущественно евреи Гутман, Машталер, Штабинский и многие другие. У входных дверей обычно сидел хозяин или член его семьи, редко – приказчик; зывали наперебой покупателей, вплоть до того, что некоторых втаскивали в магазин за рукав.

Однажды проходившего мимо деревенского попика схватили сразу из двух смежных магазинов, и каждый ткнул в свою сторону, пока не оторвали рукав подраисника. Не желая конфликта и подрыва авторитета торгового предприятия, хозяева уговорили попика войти в магазин, где ему тщательно ушили рукав и напоили дысоты чаем с сахаром и баранками. «Блатошк» был крайне доволен обращением, а продавцы, воспользовавшись его благодарным настроением, всучили ему товар с большой наживой для себя. Обе стороны остались довольными.

В парфюмерно-оптическом магазине Домбек практиковалась при покупке парфюмерных товаров интересная льгота. Продавцы прикладывали к опущенному товару особые талончики с указанием цены, и если у покупателя их набиралась на сумму 10 рублей, то ему предоставлялось право выбрать «бесплатно» парфюмерии на один рубль.

Даже крупные торговые фирмы заботились о привлечении покупателей. Так, шоколадные фабрики в фигурных шоколаде в виде различных кошек, мишек, бомб и шишек вкладывали завернутые в тонкую бумагу различные медные безделушки, как-то: кольца, серьги, брелки и прочее, а к плиткам шоколада прикладывали большие красивые картинки на тонком картоне. Чем хуже был шоколад, тем больше и красивее была картинка. Таким отличалась кондитерская фабрика «Динг и К°».

Гильзовые фабрики Катык и другие в коробки с гильзами также вкладывали сувениры в виде мундштуков, машинок для набивки папирос и даже перочинных ножинок.

Витрины, вывески, плакаты, объявления везде, где могли, агитировали за товары, стараясь переиграть изобретательством своих соперников. Современный человек смутно представляет себе покупательскую способность людей того времени. Безусловно, предложения всегда перевешивали спрос. Проклюовавшаяся в то время продажа всевозможных товаров на книжки в кредит в фабричных магазинах, а также во всех мелочных лавках отвлекала основную массу рабочего покупателя от общего рынка.

Интересна была реклама товара. Так, под вывеской булочной всегда был подвешен золоченый крендель. Над мясными лавками Дементьева, Смирнова, Веселова и других обязательно блистали красивые золоченые головы быков, а на дверях – связки надутых коровьих пузырей. На растворах обувных магазинов, смотря по сезону, красовался огромный кожаный или валяный сапог. Даже на дверях магазинов канцелярских принадлежностей были муляжи цветных карандашей размером не менее метра и металлических писчего пера величиною с детскую люльку.

Вывески трактиров и чайных пестрели грубо намаляванными чайниками, чашками и другой посудой. Пивные или, как их тогда зывали, портнерные отличались двухцветной раскраской вывесок в виде продольных зеленой и желтой полос, что обозначало торговлю распиновку и на вынос. На окнах и на створках дверей часто был нарисован красный рак. Такая наглядная агитация помогала каждому неграмотному найти, что ему было нужно.

Казенных винных лавок, трактиров, портнерных, «ренсковых» потребов (торговля виноградными винами) было огромное множество. И там забывали свои горе, обиды и бедность те, которые попадали во власть «зеленого змия», кончая нищенством, болезнями и преступлениями.

Гостиницы с салонами, отдельными кабинетами и номерами, а также рестораны были доступны только для

Уголок старой Костромы. Слева – Гостинный двор (Красные ряды), справа – Табачные ряды. Между ними видна гостиница «Кострома» на Воскресенской площади. Проезжую часть между рядами покрывает булыжная мостовая. Фото начала XX в.

денежных людей, и «рабочий люд» их услугами почти не пользовался. В Костроме их было немного. Самой шикарной считалась «Большая Московская» – гостиница Гагарина. Были еще гостиницы «Старый двор» в начале Русинио улицы, «Кострома» на Воскресенской, между зданием Присутственных мест и церковью Воскресения, «Пассажа» Горбачева на Сусанинской площади и еще несколько мелких с постоянными дворами.

Торговые ряды всегда считались центром города, хотя и находились на его краю. Даже названия их сохранились прежние: Гостиные или Красные, Мучные, Масляные, Табачные, Пряничные, Рыбные, Зеленые, Мясные. Правда, большинство из них уже не оправдывают этих названий. В Мучных не торгуют мукой, в Пряничных – пряниками, в Табачных – табаком, в Масляных – маслом.

Мясные ряды в те далекие времена были деревянными и заменены каменными были около 1910 года. Внешнее оформление рядов и сама система торговли были совсем другого направления. Все подчинялось рекламе товара.

Устанавливались солидные вывески с фамилиями купцов, оформленные крупным выпуклым шрифтом с позолоченными буквами. Такие вывески были в гостинном ряду у мануфактурных магазинов «Г. А. Клеченова», «Бр. Опатовых», «Акатова», «Ф. Г. Монахова» и других, а в Мучных рядах — крупных оптовиков «М. М. Чумакова с сыновьями», «П. Н. Стоюнина», «Н. А. Толстопятова» и многих других. Торговые дела поддерживала и освящала церковь.

В проломах поперек каждых рядов были подвешены большие иконы в золоченых киотах, а на противоположной от центра стороне Гостиных рядов стояла церковь Спаса, построенная в прошлом веке исключительно на средства купцов.

Ежедневно здесь заказывались купцами благодарственные молебны и ставились толстые восковые свечи перед иконами почитаемых святых. Это делалось всякий раз после завершения выгодной торговой сделки. Особенно часто служились молебны в ярмарочные и базарные дни.

В Пряничном ряду с обоих концов были большие часовни, в конце Табачных рядов – красная каменная часовня. Во времена НЭПа в этом помещении сделали пивную, которую ее посетители называли «крестники». В каждом магазине, кроме еврейских и татарских, на самых видных местах также всегда висели иконы с зажженными лампадами.

Во всех торговых рядах водились тучи голубей, и существовал обычай среди мучников: при открытии дверей магазинов и лавазов каждый из них, осенив себя широким крестным знаменем, выбрасывал голубям совок зерна.

Пожилые купцы в то время еще придерживались привычек, обычаев и одежды чуть ли не времен замоскворецких купцов прошлого века, описанных А. Н. Островским. Они любили носить холеные, расчесанные бороды, одеваться в поддевки, русские сапоги бутылками, в жилеты, по которым пускали тяжелые золотые цепочки к таким

*Верху: центр города во время Девятой ярмарки. Вид с пожарной каланчи. Фото начала XX в.
Внизу: конная ярмарка на Сетной площади. Фото Н. А. Карякина. 1908 г.*

же часам. Молодые же купцы придерживались европейских костюмов, носили только усы, а привычки, обычаи и весь жизненный уклад сохраняли почти прежний – отцовский. Шумно было в городе по базарным дням в понедельник, среду и пятницу, а также во время ярмарок и в предпраздничные дни Рождества и Пасхи.

В эти дни съезжались в город сотни крестьянских подвод, которые располагали на Воскресенской площади, а также позади Лыняных рядов, против старого Анастасинского женского монастыря (на его месте построены многоэтажные корпуса жилых домов) и на Сенной площади. Еще с вечера и в ночь подвезающих к городу крестьян на всех трактах встречали перекупщики, скупаящие по дешевке оптом все продукты, а потом все это продавалось в ларьках и лавках. Самостоятельно крестьяне продавали только огурцы, репу, капусту и картофель, а остальные продукты питания доходили до потребителя только через посредников.

В базарные дни везде в городе можно было встретить бороздатых длинноволосых крестьян в их привычной одежде. Если это зима, то в полушубке, в заячьей или волчьей шапке-ушанке и в лаптих, редко в валеных сапогах. Женщины были одеты так же, как и мужчины, в полушубки и отличались от мужчин безбородым лицом и грубым полушалком на голове. Окая и громко разговаривая, они дополняли шум от ржания лошадей, фабричных разногласных гудков и колокольного звона многочисленных церквей.

Ярмарки в Костроме проводились два раза в год: 14-го марта была Федоровская ярмарка, которая продолжалась всего 3–4 дня, и более продолжительная Девятая. Она открывалась в воскресенье на девятой неделе после Пасхи и кончалась в субботу на одиннадцатой неделе. В Федоровскую ярмарку самым интересным для жителей лошадей было подворье или конная ярмарка. Накануне Федоровскую Сенную площадь наводили сотни лошадей разных пород, возрастов, мастей и качеств. Вместе с лошадьми появлялось множество цыган, приезжих барышников-колыганов, среди которых было немало конокрадов.

Городские лошади лошадей, мальчики-подростки, несмотря на распутицу, непролазную грязь и воду по колено, часами простаивали на площади, любясь грациозным бегом чистопородных рысаков и мощной поступью тяжеловозов-битюгов, клейдесдалей, першеронов и суффолков, которых тренировали специалисты-конеоводы.

Любая крестьянская лошада, будь ей хоть 25 лет, если побывает с неделей в руках цыгана или барышника, временно делается неузнаваемой – приобретает внешний лоск, бойкость на ходу и даже некоторую грациозность. Эта подготовка заключалась в поддливании зубов и выжигании в них ложных ямочек, по которым специалисты узнают возраст лошади до 8 лет; в специальном добавлении в корм возбуждающих веществ, вплоть до водки, и даже в надвудании кишечника воздухом. Малоопытный крестьянин мог купить такую лошадь, на утро ее было не

узнать, так как она превращалась в настоящую клячу, ни на что не годную.

Гортанный говор цыган, крики, брань, божба, расхваливание статей лошади барышниками – все обозначало начало торга. Покупатель скупко добавлял к предложенной им цене, а продавец еще сильнее сбавлял со своей. Наконец, сговорившись, продавец через полу своей подвезки передавал повод лошади в полу подвезки покупателя. Торг заканчивался, и они шли в ближайшую чайную или трактир производить расчет и пить «литки».

Были на ярмарке и крупные покупатели, закупающие лошадей партиями для торговых фирм. Они интересовались больше тяжеловозами.

Помещики и городская буржуазия мало покупали лошадей на ярмарке, они предпочитали брать их непосредственно с конных заводов, с богатой родословной и отлично выезженных. Молодых, но слабых лошадей, а также жеребит скупали местные татары для откорма на мясо.

В этот же день на плацу между Гостиными и Мучными рядами заканчивалось оборудование ярмарочных полков для торговли игрушками, сладостями, промышленными и хозяйственными товарами, но на Федоровской ярмарке торговля была не так богата, как в Девятую, а потому мы лучше опишем последнюю.

Если Федоровская ярмарка проходила ранней весной, в самую распутицу, то Девятая всегда была в начале лета, при наступлении жарких, погожих дней. Эта ярмарка приурочивалась к памяти дня стихийных бедствий – пожаров, постигавших город Кострому в прошлом и позапрошлом веках.

В память этих событий были установлены крестные ходы вокруг города в течение трех последующих воскресных дней, начиная с девятого после Пасхи. Каждый раз обходили третью часть города. После церковной службы в сборе весь состав духовенства с иконами, хоругвями, в парчовом облачении, с пением молитв собирався на Соборной площади при большом стечении молящихся, преимущественно крестьян из окрестных деревень, и немедленно направлялся по определенному маршруту вокруг одной части города. Духовенство церковей, находящихся по пути следования крестного хода, присоединялось к нему. По пути следования «хода», по распоряжению полиции, домовладельцы обязывались выносить кадки с водой и кружки для утоления жажды богомольцев. При этом никаких, даже самых элементарных правил санитарии не соблюдалось, а на немощных улицах от движения такой массы людей поднимались целые облака пыли, которая тут же оседала и на кадки с водой, и на продукты и сладости, которые продавались с рук предприимчивыми лоточниками.

Крестьяне задолго готовились к этим торжественным дням и, завязав в узелок свою лучшую летнюю одежду, перекинув через плечо кожаную обувь, босиком шагали до городских окраин, где умывались у ближайшей

Крестный ход с Феодоровской иконой Божией Матери на углу Мианской и Кирпичного переулка. Справа видна церковь Козмы и Дамиана, что на Гноище, слева – вверх уходит ограда училища им. Ф. В. Чижова. Фото Н. А. Карякина 5 мая 1905 г.

водокачки, надевали обувь и праздничное платье, шли в крестный ход.

Преобладали женщины и подростки. Ничего не было удивительного, что крестьяне десятками лет носили одну пару обуви: они носили ее больше на плече, чем на ногах. После окончания крестного хода все шли в центр города, где уже был поднят флаг ярмарки.

В первом ряду торговали детскими игрушками, привезенными из Сергиева Посада, Палеха, Семеновского и т. д. Чего только тут не было: куклы, сабли, барабаны, дудки, деревянные матрешки, детские пистолеты, гармошки, настольные игры и прочее. Толпы ребят с утра и до вечера стояли перед этими «магазинами», завидую счастливым, которым родители имели возможность купить дорогую красивую игрушку.

Тут же с рук продавали воздушные шары ярких цветов, которые, шуруя друг о друга, стремились вырваться в голубую безоблачную даль.

Нередко бывали случаи, когда подгулявший купчик скупал всю связку и тут же ее отпустил ввысь, доставляя удовольствие себе и посетителям ярмарки. Бывало и хуже, когда приехавшая шайка воров проделывала то же самое. Тогда многие недосчитывались кошельков и портмоне.

Тот же торговец продавал резиновых надувающихся «чертиков», которые, выпуская из себя воздух, издавали резкий писк, эту игрушку любили и дети, и подростки.

Другие разносчики продавали «тещины языки», бумажные шарики, набитые опилками, и больших пауков со спиральными проволочными лапками. К ним прикреплялась тонкая резина, при подергивании которой шарики прыгали, а пауки, кроме того, страшно шевелили своими проволочными лапками. Эти игрушки были самые доступные по цене. Почему-то только на ярмарке можно было видеть так называемых «морских жителей» – игрушку, сделанную на основе известных законов физики. Их было два вида, одна из таких игрушек пред-

ставляла из себя запаянную с обоих концов стеклянную трубочку из толстого стекла длиной 25–30 см и диаметром 3–4 см. Небольшое круглое отверстие на боку загибалось тонкой резиной. В трубку наливалась вода и помещался маленький стеклянный «чертик» желтого или зеленого цвета, пустотелый, с белым хвостом, обвивающим его фигуру и имеющим на самом конце отверстие. Нужно было поставить трубку вертикально, нажать на резину, и тогда «чертик», на основе закона Архимеда, начинал подниматься и опускаться, при этом он быстро крутился вокруг своей оси. Продавали их всегда с различными присказками, вроде: «Три года картошку копал – на четвертый в бутылку попал!»

Вторая игрушка представляла также стеклянную трубку, но из более тонкого стекла и меньшего размера, с утолщением внизу. Трубка запаявалась наглухо. В нее наливался подкрашенный спирт, иногда также помещался «чертик», а воздух выкачивался. Надо было трубку зажать в кулак, и тогда спирт в ней начинал быстро кипеть, а «чертик» прыгать. Знающие физику сразу же сказали бы, что это «кипятыльник Франклина», в основу которого положено кипение жидкости в разряженном пространстве. Эти игрушки пользовались большим спросом у любознательных мальчиков-подростков.

Воскресная толкучка у стен Анастасиинского монастыря. Фото начала XX в.

Ярославские кондитеры Лопатины, Сапожниковы и Петровы в своих остекленных павильонах продавали аппетитные пряники: вяземские, тувльские, городецкие в форме прямоугольников, больших рыб и драконов, белую и розовую косялку, рахат-лукум, цукаты и всевозможные засахаренные орехи и фрукты. Тут же были небольшие ларечки, где кавказцы на глазах покупателей при помощи центрифуги делали сахарную вату, в особых печках пекли вафли, пышки и пончики. Рядом торговали красивым на вид желтым и ярко-красным квасом и другими безалкогольными напитками.

Персы, армяне, грузины, таджики, сарты (узбеки) и прочие восточные купцы торговали сухими фруктами, орехами, рисом, изюмом, турецкими рожами, «дивным медом» и всякими восточными сластями.

Костромичи с удивлением и любопытством смотрели на персидских купцов, одетых в причудливые национальные костюмы, с бородами, окрашенными в красный и синий цвета. Дети же их страшно боялись. Ближе к Мучным рядам располагались палатки с текстильным луком, деревянной посудой, иконами, сельхозинвентарем и шорным товаром.

Торговля на ярмарке не была только розничной, но местные купцы, владельцы «колоннальных» магазинов,

у восточных купцов товары покупали крупным оптом. Оптом же шли цепяные и шорные товары, а также иконы и церковная утварь. На лыжной площадке, где в настоящее время разбит сквер, между Мучными рядами и Анастасианским женским монастырем, на месте которого сейчас стоят многоэтажные жилые дома, вырастали увеселительные предприятия. Обязательно устанавливались две карусели, качели-лодки. Иногда бывал цирк-шапито, т. е. временный, под брезентовым куполом. В два ряда ставились балаганы, где подвигались различные фокусники, иллюзионисты, гипнотизеры, гимнасты, шагаготататели, силачи, подымающие большие штанги и гири, иногда картонные или деревянные. Бывали и укротители диких зверей, а также демонстрировались различные человеческие уродства в виде волосатых «людей-собак», бородатых женщин, карликов, великанов, но больше всего простому народу нравились Петрушка. Это представление с куклами было предшественником кукольных театров. Особенно зрители любили сценку, когда Петрушка, столкнувшись с городовым, своим пискливым голосом осыпает его изысканными шутками, а потом даже награждает его тумачками.

Учащаяся молодежь охотно посещала паноптикум, который иногда бывал в Костроме. Это был музей восковых фигур, имевший два отделения – историческое и анатомическое. В историческом отделении можно было видеть в натуральный рост восковые фигуры известных

государственных деятелей прошлого, а также объекты и орудия пытки инквизиции. Некоторые фигуры с помощью заводных механизмов производили дыхательные движения.

В анатомическое отделение дети до 16 лет не допускались, там демонстрировались люди различных рас, всевозможные физические уродства и заболевания.

Базарный день. Фото начала XX в.

ТРЕВОЖНЫЕ СОБЫТИЯ

В это время слышалось много новых слов, таких как: революция, самодержавие, агитаторы, проповокаторы, митинги, сходки и прочее. Значение их понималось плохо. Мне было совершенно непонятно, для чего учащиеся устраивают «беспорядки» и «волнения», зачем рабочие бастуют и почему к ним идут учащиеся.

Больше других мне нравилось новое слово «прокламация». Представляя ее в виде красивой, большой картины и очень просил сестру Женю, чтобы она где-нибудь мне достала ее и показала. Я завидовал полицейским и стражникам – тому, что они отбирали эти картины у рабочих, и

думал, что у них прокламаций очень много, что они разрешают их у себя в комнатах. Мы даже ссорились с братом Володей из-за того, что он собирался все подаренные мне прокламации у меня отобрать.

Еще хотелось где-нибудь достать «пароль», с которым рабочие ходили на тайные собрания. Представлял пароль как что-то вещественное, вроде красивой деревянной игрушки. Вот таковы были мои первые впечатления о грядущей революции 1905 года.

В эти же дни впервые увидел я в Костроме казаков. Мне очень нравились их красивые лампасы, шапки и нагайки. Казаuchy офицеры в серебряных погонах и в галунах лихо

скакали по улицам города. Зачем они в Костроме, я не понимал.

Губернатор Князев стал разезжать в карете, запряженной парой вороных рысаков и в сопровождении «покетного» эскорта из четырех юных черкесов, а раньше он всегда свободно и просто прогуливался по городу пешком. На парадном крыльце губернаторского дома, кроме постоянного швейцара в двери, появился караул из двух вооруженных черкесов.

Немудрено, что в то время я знал этого губернатора, как и всех последующих, так как, живя неподалеку, ежедневно видел их на Муравьевке и часто на богослужении в церкви.

Родители выписывали местную газету, выходящую в то время под разными названиями, а также «Русское слово» и журнал «Ниву». Мама и няня Лиза читали их, и мы были в курсе текущих событий.

По всему чувствовалось приближение каких-то тревожных событий. Поговаривали о рабочих «беспорядках»

в Петербурге, Москве и других промышленных центрах. Более дальновидные политики ожидали войны.

Мог ли я в то время предполагать, что рабочая Кострома уже активно готовилась к революции. Уже начинали создаваться боевые дружины, которые вооружались огнестрельным оружием и самодельными бомбами, работали подпольные типографии, выпускались листовки, прокламации и разножающие экземпляры ленинской газеты «Искра», имелись явочные квартиры, активно работал Костромской комитет РСДРП. Во всем чувствовалась подготовка к грозным революционным событиям.

Полиция и жандармерия готовилась по-новому: увеличивали количество шпиков, вербовали провокаторов, городовым и стражникам было приказано «оттупить клинки», то есть отточить шашки, увеличилось количество арестов революционных рабочих, усилилась слежка за либеральной интеллигенцией.

В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

В январе 1904 года все узнали о начале Русско-японской войны. Легендарный крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» совершили свой бессмертный подвиг, начались ожесточенные бои в Маньчжурии и в Порт-Артуре. Все восхищались героизмом моряков «Варяга» под командованием капитана 1 ранга Руделева.

В Костроме ежедневно выпускались бюллетени о ходе военных действий на Дальнем Востоке. Этими же сведениями были полны и все газеты. В жизни же города резких изменений не было, за исключением того, что на улицах увеличилось количество солдат из запасных, бордатых мужчин, которым предстоял длинный путь на восток чаще гарцевали по улицам разъезды казаков и стражников, да по церквям совершались молебствия о даровании победы «христороливному воинству».

В нашей жизни также ничего не изменилось. Мы слушали сообщения и рассказы мамы, Жени и няни Лизы о японцах и событиях на фронте. Иногда они вслух читали газеты и бюллетени, из них мы кое-что усваивали. Наши игры на улицах были исключительны в войну. Мы собирали с соседних дворов сверстников и превращались один – в русских солдат, другие – в японских. Когда был снег, то строили крепость и кидались снежками, а летом делали крепости из пустых ящиков и в ход пускали мелкие камни. В одном из таких «боев» я чуть не лишился глаза, за что от мамы, конечно, досталось всему воинству, а «раненому» даже двойное. «...»

Много новостей приносила няня Елизавета Михайловна. Шли слухи о военной измене и предательстве со стороны высшего командования в лице генерала Стесселя, о бездарности генерала Куропаткина и адмирала Рож-

дественского. Появились анекдоты о разгульной жизни офицера на Дальнем Востоке и о том, что вместо снарядов и винтовок на фронт шлют целые вагоны различных иконок для солдат. Быстро падал искусственно созданный патриотизм, и мало кто еще верил в победу.

У нас на стенах появилось еще несколько картин батального содержания. На одной из них была изображена гибель «Варяга» и «Корейца», где наши корабли отстреливались от окруживших их неприятельских кораблей, многие из которых были подбиты и тонули. На переднем плане другой картины, на большой белой лошади, с обнаженной саблей скачет храбрый генерал Куропаткин. А за ним наши кавалеристы, впереди и под ногами коня изображены маленькие, как тараканы, японцы в синих мундирах с желтой окантовкой, с белыми гетрами на ногах, с желтыми косоглазыми лицами в синих фуражках с желтыми околышами. Много японских солдат побито, а живые спешат бежать от наступающих русских. А так ли было в действительности?

Эпизоды наших побед были на обложках шоколадных плиток, на папиросных коробках и даже на деревянных шатулах с чаем «Караван». В журналах «Нива» и «Родина» появились портреты отличившихся на войне генералов и старших офицеров, но не было ни одно солдата и о подвигах их не писалось.

*Наверх вы, товарищи,
Все по местам!
Последний парад наступает....*

Так в скором времени все люди, от ребенка до стариков, начали распевать популярную и в настоящее время песню о гибели «Варяга». Из наших родных и знакомых никто не был мобилизован в Японскую войну.

ПОСЛЕ ЦАРСКОГО МАНИФЕСТА

Вести с Дальнего Востока были весьма неутешительны. Наши войска терпели поражение за поражением в Манчжурии. В марте 1904 года на крейсере «Петропавловск» погибли адмирал Макаров и известный художник-баталист Вережагин. Порт-Артур был осажден.

Вся страна была охвачена забастовками, вооруженными восстаниями, еврейскими погромами. Революция достигла своего апогея после 9 января 1905 года. Волнения перекинулись в деревню. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы, самовольно захватывали земли. Войска не оставались безучастны. Там тоже вспыхивали бунты. Восстал броненосец «Потемкин», и некоторые корабли поддержали его.

А на Дальнем Востоке все гибли и гибли русские солдаты. Либеральная буржуазия ждала каких-то уступок и милостей от царского самодержавия. Надеясь на Государственную думу как народное представительство.

И вот, наконец, 17 октября был издан государственный манифест, который фактически ничего не давал народу, а был лишь очередным маневром для репрессий. Тогда в народе ходил каламбур: «Царь издал манифест: "Мертвым – свобода, живым – под арест!"».

И Кострома не оставалась в стороне от революции. После разгрома Костромского комитета РСДРП для укрепления партийной организации Северным комитетом был направлен в Кострому Яков Михайлович Свердлов, который нелегально проживал здесь с ноября 1904 года и сумел сколотить и умножить костромскую организацию большевиков. С большим подъемом прошла демонстрация костромичей в день 1 Мая. Митинг проходил на городском бульваре. Приняв резолюцию по листку «Первое Мая», выпущенном бюро комитетов большинства и редакцией ленинской газеты «Вперед», демонстранты с пением «Марсельезы» и «Варшавянки» организованными колоннами пытались пройти к Русинской улице, но у го-стиницы «Старый двор» они были рассеяны полицией и казаками.

Самое большое выступление рабочих и учащейся молодежи в городе Костроме произошло 19 октября 1905 года в связи с опубликованием царского манифеста. Костромской комитет РСДРП организовал митинг около памятника Сушанину. Собралось несколько сот учащихся и рабочих. Выступали ораторы. В это время черносотенская организация «Союз русского народа» собрала мелких торговцев, приказчиков, кустарей, ломовых извозчиков и зимогоров с Молочной горы, которых натравила на участников митинга. С криками «Бей крамольников!» они оглобли, палками, камнями и ножами начали разгонять и избивать митингующих. Было покалечено свыше ста человек, из которых в последующие дни некото-

рые умерли, а семинариста В. Л. Хатеновского забили до смерти на месте.

Особенно зверствовал с компанией молодчиков приказчик мучного торговца Михаила Лезова, который, преследуя учащихся, добежал до дома Каменских на Царевской улице, куда спрятались несколько гимназистов, ворвался туда и начал поголовно избивать всех. Бил железной лопатой и пытался протолкнуть своих жертв в окошко холодной уборной.

Тут некстати оказались подруги моей сестры Жени – Беркина, Бекаревич, Мовшович и другие восьмиклассницы Григоровской гимназии. Шрам от лопаты на щеке Беркиной остался на всю жизнь. В тот день в Костроме со страхом ожидали еврейского погрома, а потому евреи свои магазины с утра вовсе не открывали, а прочие магазины были закрыты в самом начале митинга. Мы с товарищами, услышав о происходящем на Сушанской площади, пытались туда пробраться, но путь нам преградил городской, пришлось вернуться домой.

Няня Лиза ходила на базар и принесла самые свежие новости – так к вечеру мы знали все подробности этого страшного дня. <...>

Отгремели выстрелы на Дальнем Востоке. Русское правительство заключило позорное перемирие с японцами. Наши солдаты с тяжелым сердцем возвращались на Родину. А сколько их осталось спать вечным сном под белыми крестами на полях Манчжурии и в стенах Порт-Артура. Война унесла жизни многих тысяч отцов и мужей, оставив осиротевшие семьи. В память об Японской войне позднее появились вторая песня о «Варягах», которую еще не забыли и сейчас:

*Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Мечутся чайки над морем,
Крики их полны тоской...*

Да еще марш-вальс «На сопках Манчжурии». Лучше же других мне понравилось вскоре появившееся стихотворение. Там были такие строчки:

*От павших твердеют Порт-Артура,
С кровавых манчжурских полей
Калека, солдат истомленный,
К семье возвращался своей...*

Далее в нем говорится о том, как солдат, вернувшись в Петербург, не нашел в живых никого из своих родных. Соседи на его вопросы отвечали: «Твой сын в Александровском парке был с дерева снят, а жена насмерть зарубана шашкой, мать: избита казачьей нагайкой и до ночи едва дождала... а брат -- погуб он у Черного моря, где их Броненосец стоял». В этом стихотворении наглядно показаны все ужасы войны и суровая расправа царского самодержавия с революцией. <...>

20 декабря 1907 года за Лазаревским кладбищем в Костроме был повешен член боевой дружины Константин Никитич Козуев, а 10 января 1908 года на том же месте был казнен боевик Петр Иванович Терехин, гимназист В. В. Усов был убит в перестрелке с жандармами. Впоследствии погиб на каторге революционер Тюрников.

Множество было осуждено к заключению в крепость на разные сроки, сослано на поселение и отдано под гласный и негласный надзор полиции. С ноября 1905 года до июня 1907 года во главе Костромской организации РСДРП стоял большевик А. М. Стопани, который для большей конспирации работал заведующим статистическим бюро лесного отдела губернской земской управы, находившейся на перекрестке улиц Русиной и Дворянской. Весной 1907

года Стопани уехал в Лондон для участия в работе партийного съезда. И там он из газеты «Товарищ» узнал, что его «арестовали» в городе Костроме. Оказалось, что полиция и охранка давно разыскивали руководителя Костромского комитета под кличкой Карп, но им не было известно, что под этой кличкой скрывался Стопани. Придя на его квартиру, полиция застала там нечехавшего товарища и, приняв его за Стопани, арестовала, а тот некоторое время умышленно не разубеждал их в этом, с тем чтобы они не напали на след настоящего Стопани.

Вернувшись со съезда, Стопани вынужден был партийные дела отдать другому товарищу и срочно выехать из города Костромы. Партийным организациям города пришлось временно уйти в подполье. <...>

КОСТРОМСКИЕ ГИМНАЗИСТЫ

Аетом 1906 года мама подала прошение на имя директора гимназии о зачислении меня в приготовительный класс. Экзамены были назначены в первый числа августа месяца. К этому торжественному дню мне был сшит новый костюм из серого гимназического сукна, но с нарушением форменного покроя. Вместо тулужки была курточка с резинкой снизу, а вместо длинных брюк были широкие штанишки до колен и тоже на резинке.

...Мы зашли в писчебумажный магазин «Костромич», где купили необходимые учебники и канцелярские принадлежности. Ранец с тюленьей крышкой был куплен мне раньше. Дома с друзьями у меня было много разговоров о гимназии, об экзаменах, и, в конце концов, весь разговор я сводил на новую фуражку, которую давал всем примерять.

Новый учебный год в те годы начинался с 16 августа. Я опять в сопровождении мамы пошел в гимназию. И меня сразу ошеломили шум и беготня нескольких сотен гимназистов всех возрастов. Мы шли уже через двор, так как ученикам через парадный вход проходить было воспрещено. В саду и на игровой площадке гимназисты играли в лапту, городки, футбол. Маленькие бегали по тенистым аллеям парка. За порядком следили классные надзиратели. Мы прошли в тот же коридор, где уже были во время экзамена. Вскоре всех новичков взяли в класс и рассадил за парты.

Я попал на парту во втором ряду к окнам на Муравьевку. Со мной был посажен Ваня Смирнов. Всего в классе оказалось сорок три человека, из которых два были второгодника – Геннадий Алякситский и Владимир Сальков.

Костромская губернская мужская гимназия на Муравьевке. Фото начала XX в.

Урок гимнастики в Костромской мужской классической гимназии. 1911/12 учебный год

Они были выше каждого из нас больше чем на голову и старше на два-три года. <...>

Поэтому, в октябре месяце, утром, к зданию гимназии стройными рядами подошли семинаристы, гимназистки Григоровской гимназии и учащиеся химико-технического училища имени Чижова с целью снять с уроков гимназистов старших классов, с тем чтобы отметить годовщину избяения участников митинга на Сусанинской площади 19 октября 1905 года.

Напуганная революцией администрация гимназии препятствия не чинила и полицию не вызывала. Демонстранты вошли в актовый зал, развернув красные и черные флаги, и начали митинг. Старшие гимназисты с уроков были сняты и пошли в зал. Нас же из класса не выпустили, но уроки нам не проводили. Мы смиренно сидели за партами, хорошо слышали речи ораторов, а потом и пение: «Вы жертвою пали...» и «Марсельезу». Вскоре все разошлось по своим учебным заведениям.

В этом же году мне впервые пришлось быть на общественной елке, которую организовали дамы-общественницы в том же актовом зале во время рождественских каникул. Елка была до самого потолка и освещалась маленькими электрическими лампочками, видимо, от батарей, так как в то время в Костроме электричества не было. Елка была очень крутилась. Это тоже вызывало восторг. Зал был украшен зелеными гирляндами из ветвей

елки, по стенам, также в обрамлении елочки, были развешены картонные золотые щиты и гербы. Кругом – гирлянды флажков. Запах хвои смешивался с запахом дорожных духов, играл гимназический симфонический оркестр, угощали мороженым. Я был с мамой и с братом Володи.

Все было очень весело и ново для меня, но финал праздника несколько омрачился. Все получили пакеты с фруктами, орехами, конфетами, пряниками, а в конце вечера елку умышленно повалили на пол и устроили «свалку», разрешив себе снимать с елки игрушки, какие кому нравятся. Вот тут-то, из-за своей скромности и малоподвижности, мне получить ничего не пришлось. Брат же снял маленького медальнического коня. Мне было очень обидно за себя, но все же этот праздник остался мне очень памятным на всю жизнь. <...>

Быстро шло время. Пройшла Масленица, наступил Великий пост, пахнуло весной. Для меня же явилась новая забота – предстояло идти на исповедь и причастие, так как после Пасхи нужно было представлять в гимназию справку из церкви. Причащаться я любил, так как там давали попить теплого красного вина, хотя и разбавленного водой, а вот как исповедоваться, о каких грехах говорить попу – это было для меня большой задачей. Но все сложилось очень хорошо. Мама повела меня в церковь Бориса и Глеба, где отец Александр Андроников детей не заставлял рассказывать о своих грехах, а говорил сам,

что надо делать, как почитать своих родителей и наставников, как любить Бога, царя и прочее. Потом накрывал исповедуемому голову епитрахилью и читал молитву. На другой день мы торжественно принимали «тело и кровь Христову». А там уж начинались веселые пасхальные каникулы, ледоход на Волге – весна!

Все учащиеся, поступавшие из приготовительного класса, зачислялись в первое отделение, а остальные во

второе. Первое отделение почему-то считалось привилегированным, видимо, потому что туда же зачислялись пансионеры из дворян, а также дети видных и чиновных костромичей.

Двадцатого мая кончался для меня первый гимназический учебный год. Вступительные экзамены в первый класс трудности не представляли, я их успешно выдержал и стал уже настоящим гимназистом.

ИГРЫ ДЕТЕЙ НАЧАЛА ВЕКА

Ропутно хочется вспомнить о свободном от классных занятий времени. О том, какие игры и развлечения занимали нас в первые годы ученической жизни.

Мне не давала покоя одна страсть – это голуби. Еще при жизни папы мы с братом осуществили эту общую нашу мечту. В специальной будке во дворе у нас уже была пара «жарых» (красных), ленточных голубей – турманов и две пары белых «чаек». У каждой пары уже подрастали птенцы, что должно было увеличить голубиное стадо вдвое. Заботы, конечно, были: надо было три раза в день кормить питомцев подсевом и просом, наполнять поилки чистой водой, чистить голубятню и посыпать пол сухим песком. Необходимо было покупать корм, а пуд подсева стоил 50 копеек. Деньги также доставляли большую заботу. Мама давала их очень скупно.

Нам приходилось экономить на всем и всеми путями добывать их собственным трудом. Первое время вырубал утиль, а потом мы нанялись к маме в «дворники» – за 1 р. 20 к. в месяц выметать ежедневно тротуар и двор, а зимой огребать снег. Брату очень не хотелось вставать рано по утрам, и мне почти всегда приходилось выполнять это одному.

Голубеводство настолько заманчивое занятие, что оно увлекает каждого, кто серьезно возьмется за это благородное занятие. Я уже в то время осуждал голубятников, которые держали голубей с целью наживы за счет поимки своим стадом чужих голубей и получения денежного выкупа. А также не признавал приемы подбрасывания своих «гонных» голубей под чужое стадо с целью увести молодняк. Я не любил лазить по крышам с тряпкой, навязанной на шест, шугать голубей, вынуждая их к полету.

Вид с Муравьевки на церковь Воскресения на Дебре. 1910-е гг.

Больше интересовало наблюдение за жизнью этих благородных птиц, за их повадками, за выведением птенцов, а главное, меня интересовала их привычка к людям. Они отлично признают своего хозяина, его голос, шаги, постукивание ключей и высказывают свое чувство полетами в голубятне и сильным хлопанием крыльев.

<...> После занятий у меня было много свободного времени, которое мы с братом и соседями-сверстниками проводили на воздухе, играя во дворе, а чаще всего на Муравьевке. В то время Муравьевка была совсем не такая, как в настоящее время. Во-первых, аллея была в два раза уже, во-вторых, она на углу Гимназического переулка наискось пересекала проезд к Нижней Дебре, делаясь на большую и маленькую. К проезду с той и с другой спускались лестницы. На большой Муравьевке, выдавались вперед к Волге три больших площадки, которые назывались бастионами. На них на деревянных бревенчатых стойках стояли пушки времен Бориса Годунова. Всего их там было не менее 20-ти. Мы всегда играли на этих бастионах и, сидя верхом на пушках, воображали себя всадниками.

На маленькой Муравьевке, по инициативе губернатора Леонтьева, в конце XIX века была открыта детская площадка с игротекой, где всем детям, приходящим туда со взрослыми, совершенно бесплатно давали поиграть всевозможные игрушки: мячи, кегли, крокеты, деревянные обручи для катания, кубики, деревянные чашечки для песка и даже детские велосипеды и красивые деревян-

ных коней. Туда мы ходили только с мамой или с няней, а на большую Муравьевку бегали самостоятельно. Как весело и привольно было организовывать подвижные игры на зеленых нижних площадках, кувыркаться по горам и прятаться от солнца под густыми кронами тополей.

Меня же туда привлекало то, что тут на горке по линии церкви жила моя сверстница Катя Скороходова, мать которой, тетя Шура, носила нам молоко. У них был свой маленький домик, стоящий на склоне глубокого оврага, а отец служил в церкви псаломщиком. Катя была очень бойкая, смелая, румяная девочка с очень милым личиком.

Она мне очень нравилась, и я мечтал, что, когда вырасту большой, обязательно женюсь на ней. Вот эту девочку весной 1904 года постигло большое несчастье. В пасхальные дни ее отец, подгуляв с гостями, расхвастался своей силой и поспорил, что подымет на плечо любую пушку. Они пошли на Муравьевку. С большим трудом он пушку поднял и тут же упал, надорвавшись. Прележав без движения около двух месяцев, в возрасте около 28-ми лет он умер. Вот до какой нелепости может довести человека излишне выпитое вино, а в связи с этим неужное хвастовство.

Катя с матерью осталась без всяких средств существования, но, благодаря трудолюбию, мать своим поденным трудом и продажей молока смогла содержать свою дочь. Мы продолжали дружить, но года через два наша дружба начала идти на убыль, и мы постепенно забывали друг

Игра в крокет. На детской даче в с. Апраксина, Костромского уезда. Фото 1914 г.

друга. Через 15 лет, когда Катя выучилась на врача, вышла замуж и превратилась в Екатерину Николаевну Готовцеву, мы уже не узнавали друг друга.

Общение в гимназии с новыми друзьями привнесло в нашу детскую жизнь и новые игры. Мы играли в такие игры, как крокет, кегли, лапта, городки и «чижик», но никогда не увлекались играми на деньги. Любили читать книги о похождениях сыщиков, расходуя на покупку их все деньги, заработанные «честным трудом» от продажи утиля, собранного по свалкам.

В первых классах гимназии все до одного увлекались игрой в перышки, в картинки и в фантики. Каждый гимназист имел коллекцию перьев в зависимости от формы, отделки и величины, они имели различную стоимость, независимо от того, сколько за них было уплачено в книжном магазине. Игры в перышки были разнообразны. В одном случае они напоминали игру в чижика. На тупую часть пера надавливали другим пером, пытались его перевернуть и таким образом выиграть. В другом случае, как и в игре в фанты, перо клали на ладонь и ударяли ей о край парты, стараясь попасть своим пером в перо партнера, и т. д.

Большой азарт вызывала игра в картинку. Во всех психебуажных магазинах продавались красивые штампованные картинки из тонкого картона, изображающие цветы, небольшие пейзажи, букеты и прочее. Они продавались целыми небольшими листами и предназначались для наклеек в альбомы девочек. Нас же интересовал азарт выигрыша, от листа отрывались отдельные картинки, закладывали в какунибудь книгу через лист или через два, а потом игроки просовывали перо между листами книги. Если игрок не попадал туда, где была вложена картинка, он отдавал перо, а попавший брал себе картинку. Такие игры, как вызывающие азарт и материальные расходы, в классе не разрешались, но и строго не преследовались.

В гимназии была неплохая самодеятельность, ставили театральные постановки, проводили концерты и устраивали танцевальные вечера. У старших гимназистов был очень неплохой хор, под управлением классного надзирателя и учителя пения Б. В. Пиллер, был симфонический оркестр, руководимый учителем музыки.

На школьные вечера приглашались родители и гимназистки. Выступали хор, оркестр, и солисты. Хорошими

Детская забава «Гигантские шаги», с. Коробово. Фото 1910 г.

вокальными данными владели Николай Сологуб и Иван Виноградов, руководитель танцами – восьмиклассник Треберт, соло на скрипке исполнял Антон Циблер, и драмкружок был в руках Бориса Славочинского, который впоследствии, окончив университет и получив диплом врача, всю жизнь отдал театру, выступая под фамилией-псевдонимом Седой.

К сожалению, все они окончили гимназию, пока я был в первых двух классах. На их место подрастали новые и новые кадры, пока очередь не дошла и до нашего класса. Нередко по праздничным дням организовывались литературные чтения, так называемые «воскресники», силами старших гимназистов и некоторых учителей. Чтения сопровождалось показом цветных картин с помощью проекционного фонаря.

Кино тогда только начинало входить в обращение и было монополией временных тесовых балаганов, кото-

В ярмарочный день. Раешник. Фотограф Н. А. Карякин. 1911 г.

рые устанавливались на площадках во время ярмарок и народных гуляний, в Рождество, Масленицу и в Пасху. Показывали тогда за пять копеек маленькие эпизоды из Русско-японской войны, комедии-шутки с участием американского киноартиста Макса Линдера, «Похождения Глупышкина» и другие. Были иногда и цветные феерии, но длина пленки была не более 300–400 метров, и весь сеанс длился около 15 минут.

Стук, трескотня и шум движка сотрясали балаган и заглушали все звуки, вплоть до музыки, сопровождающей сеанс, так как кино тогда, конечно, было немое. Видимость на экране тоже желала лучшего, движения героев казались неестественными и неравномерными, так как аппарат приводился в движение вручную. Такие увеселительные предприятия почему-то назывались «синематографами». Не зная лучшего, мы их охотно посещали.

КОСТРОМСКОЙ КИНЕМАТОГРАФ

Но вот пришло время открывать в Костроме постоянные кинотеатры. Тут-то и начался «кинематографический зуд». В ожидании крупных доходов от этих новых начинаний в первом квартале Русинной улицы, как грибы, стали появляться все новые и новые кинотеатры, зрительные залы наскоро оборудовались из магазинных помещений, из библиотек, типографий и т. п. Не имея собственного достаточного капитала, некоторые предприимчивые дельцы привлекали на правах пайщиков лиц, до этого ничего общего не имеющих с «бизнесом»: врачей, художников, адвокатов, фотографов, нотариусов и вообще людей свободных профессий.

Так, на протяжении 3-4-х лет быстро появлялись и так же быстро прекращали свое существование кинематографы с громкими названиями: «Прогресс», «Эффект», плавучий кинотеатр «Чайка», «Аполлон» и некоторые другие.

Ни одно из этих коммерческих предприятий не смогло выдержать конкуренции с такими крупными «акулами»,

как подрядчик плотничных и столярных работ Михаил Трофимов или крупный костромской делец Савва Бархатов, которые начали строить специальное здание для кинотеатра около главных ворот городского бульвара, позади Масляных рядов. Это строение было деревянное, но оштукатуренное снаружи и внутри. Кинотеатр был назван «Современным» и существовал потом под названием «Малый».

В нем поначалу особенно художественно был оформлен в нижнем фойе сталактитовый грот с вытекающим из скалы родничком и чучелом огромного орла, сидящего с раскрытыми крыльями на вершине скалы. При свете мелких разноцветных лампочек этот грот представлял феерическую картину. Очень жаль, что он не дожил до нашего времени. Несколько позднее как раз против «Современного» кинотеатра Бархатов начал строить еще лучше оборудованное здание кинотеатра, который и был назван «Пале-театр», что значит в переводе с французского «Дворец-театр». В настоящее время он значительно расширен и реконструирован для широкоэкранного кино.

«Современный театр» на Ильинке (совр. ул. Чайковского) – один из первых кинотеатров Костромы. Открылся осенью 1910 г. Здание снесено в начале 60-х гг. XX в.

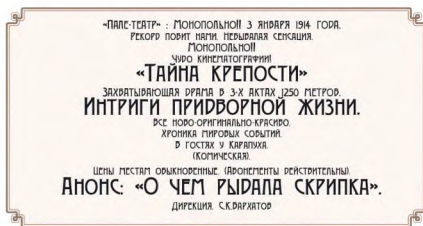

Появление в Костроме своих постоянных кинотеатров явилось большим событием для костромичей. До этого далеко не многие из костромичей имели материальную возможность часто посещать городской театр или концерты приезжающих в Кострому знаменитостей. В очень редких семьях были собственные рояли или пианино, и большинство горожан удовлетворяли свои эстетические потребности прослушиванием пластинок на «картавом», шипящем граммофоне с огромным деревянным или жестяным раштрубом. Много позднее французская фирма «Патэ» начала выпуск более совершенных граммофонов без труб, которые с тех пор и стали называть «патэфонами», даже если они были и русского производства.

«...» Когда же в Костроме возникли свои постоянные кинематографы, да еще с широко разрекламированными кинокартинами, то редкий человек мог пройти мимо, чтобы не зайти просматреть за один сеанс несколько короткометражных кинофильмов, чаще всего трагического или комического содержания. Киносеанс сопровождался аккомпанементом на рояле, и его качество всегда зависело от искусства аккомпаниатора или полюбил пиванистки, которой приходилось быть виртуозом, т. к. специальной музыки к кинофильмам не писалось.

В качестве примера рекламы приведем содержание нескольких объявлений о киносеансах из местной газеты «Поволжский вестник» от января 1914 года.

ПРАЗДНОВАНИЕ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОСТРОМЕ

Для царской России 1913 год был юбилейным годом – исполнялось 300 лет царствования дома Романовых, а Кострома, считавшаяся «колыбелью» этой династии, готовилась праздновать юбилей особо торжественно.

Губернские и городские власти начали подготовительные работы к юбилею еще с 1909–1910 годов. Помимо текущего ремонта существующих домовладений и общественных зданий, который возлагался целиком на домохозяев и соответствующие организации, по линии городского управления было запланировано и принято к немедленному выполнению следующее: переоборудование и расширение сети городского водопровода с постройкой водонасосной станции, с фильтрами и отстойными баками на берегу Волги, около Молочной горы. Предусматривалось увеличение протяженности водопроводной сети по направлению к фабрикам, а также постройка водонапорной башни на Мясницкой улице.

Кроме этого, начато было строительство городской электростанции общего пользования, мощностью 400 кВт.

Здание электростанции было запланировано и построено рядом со зданием городского водопровода. В общем виде эти два здания сохранились до последних лет.

Вскоре началось строительство зданий музея и больницы Федоровской общины сестер милосердия Красного Креста.

Из всех подготовительных мероприятий самым сложным и ответственным было утверждение проекта памятника 300-летию дома Романовых. Разрешение этой задачи целиком взяло на себя правительство, утвердив из многочисленных представленных на конкурс проектов проект скульптора Адамсона. Костромскому дворянству было предоставлено право заниматься сбором средств на это строительство. Место для будущего памятника было отведено на краю Соборной площади, у самого обрыва к Волге.

Здесь я перечислил более крупные объекты капитального строительства, которых без юбилея костромичам, быть может, скоро не пришлось бы увидеть, но были постройки и другого значения, которые требовали больших

Закладка здания Романовского музея на Павловской улице. Фото В. Н. Кларка. 21 июня 1909 г.

материальных затрат, но имели только лишь временное значение, в основном в дни празднования. К таким мероприятиям надо отнести: постройку красивого павильона на обрыве к Волге около соборной ограды, который назывался «царская беседка», шатра у предполагаемого памятника, нескольких пристаней-дебаркадеров в стиле старинных ладей екатерининских времен, а также павильонов сельскохозяйственной выставки в районе между современными улицей Подпанаева и Коротким переулком. На очищенной от дровяных складов и жалких лагуч обширной территории было построено не менее тридцати одно- и двухэтажных павильонов в древнерусском стиле из гладко струганных бревен со сложной резной отделкой. На выставочной площади была сооружена из бетона скульптура русского богатыря в полном вооружении, сидящего на могучем боевом коне, построили старинную деревянную звонницу с набором всей гаммы блестящих колоколов.

На все запланированные мероприятия требовались большие денежные средства, но государство ассигновало крайне скупо, надеясь на благотворительность.

Кострома давно ожидала специального здания для краеведческого музея, т. к. накопленные за долгие годы архивные, археологические и палеонтологические экспонаты были размещены в совершенно непригодных для этой цели помещениях.

Ученая архивная комиссия в течение десяти лет боролась пожертвования и, только воспользовавшись юбилеем, сумела приступить к постройке специального здания музея, который был открыт под названием «Романовский». Не особенно лестный отзыв по поводу его архитектурного стиля дает архитектор Г. Лукомский в своей статье «Барокко и классицизм в архитектуре Костромы». Он пишет: «Но недавно рядом (с зданием дворянского собрания) воздвигли ужасное здание будущего музея дома Романовых. Этот ложнорусский стиль убьет теперь все то очарование, что здесь давал шелест деревьев, ветви которых так низко и ласково свешиваются над львами и бросают прохладные тени на белые стены ограды».

Это заключение старого специалиста переполнено идиллической красотой, которая более понятна архитекторам, скульпторам и художникам, чем рядовому костром-

Герб рода Романовых – мифологический грифон – до сих пор украшает главный фасад открытой в 1913 г. к 300-летию дома Романовых Романовской больницы Российского общества Красного Креста. Фото Б. К. Коробова. 2012 г.

мичу, более трезво и практически смотрящему на окружающую его жизнь.

Точно так же в ложирусском стиле было построено здание больницы «Красный Крест» на Нижне-Дебринской улице, ниже Муравьевки.

Костромичи в то время очень нуждались в больницах и во врачебной помощи, но государство не нашло нужным отпустить средства на это строительство, и больничный корпус был построен на средства Федоровской общины Красного Креста.

При подготовке к торжествам большое внимание было обращено на настроение людей. Путем монархической пропаганды по церквям, учебным заведениям, в казармах и даже в рабочих общежитиях и клубах возносились заслуги романовской династии, и в основном здравоствовавшего во время «аугустейшего семейства».

К юбилейным торжествам всем учащимся мальчикам и юношам было предложено иметь белые тулужки и белые чепцы на фуражках, а девочкам и девушкам белые фартуки, нарукавники, пелерны на форменные платья. Учителя, чиновники и все служащие обязывались иметь

также парадную летнюю форму при всех положенных по чину регалиях.

Небывалая работа ожидала портных, портних, модисток, шапочников, сапожников и прочих ремесленников. Все подобные мастерские и отдельные мастера были завалены работой за много месяцев до торжеств. Бойко торговали ходовыми товарами мануфактурные торговцы и галантерейщики. Немалую подготовительную работу проделали судебные органы, жандармское отделение и полиция по очистке города Костромы от политически неблагонадежных людей, которых постарались заблаговременно выслать за пределы Костромской губернии. Малейшее подозрение давало повод к заключению в тюрьму или в камеру предварительного заключения. Охранка и полиция особенно строго следили за всеми приезжающими в город и гласно или негласно проверяли личность каждого вновь прибывшего. Выборочно проверялась и почтовая корреспонденция. На ноги был поставлен весь актив тайной полиции.

За несколько недель до торжеств в Кострому прибыли лейб-гренадерский Эриванский полк из Петербурга, от-

Исторический центр Костромы. На переднем плане – Воскресенская площадь с ее храмами Воскресения Христова, что на Площади, и Георгия Победоносца. Вид с соборной колокольни. Фото начала XX в.

борная сотня конного Кизляр-Гребенского казачьего полка и сотня 30-го Донского казачьего полка.

За несколько дней до празднования на улицах города появились франтоватые офицеры и нижние чины столичной полиции и жандармерии, а сколько было их без официальной формы, секретно – это простому костромскому обывателю известно не было.

Губернатор Шиловский, видимо, по мнению правительства, не мог в должной мере обеспечить безопасность «августейших гостей», а потому еще в конце года на его место был назначен действительный статский советник, егермейстер Двора его величества Стремухов Петр Петрович, мужчина средних лет, вылощенный царедворец, ярый монархист, поклонник и покровитель «черной сотни» и всех их организаций. На такого начальника губернии, конечно, можно было положиться, такой не подведет, и он действительно не подвел.

В последние дни перед празднованием было много работы и заботы у домовладельцев. Им предложили восстановить пресловутые фонари на воротах домов, покрасить фасады и заборы, выровнять тротуары, углубить водосточные каналы и покрасить тумбы, фонарные столбы.

Кострома переживала горячие дни. Все жители были заражены этим праздничным подъемом, а уж нам, мальчикам, работы было больше всех. Мы толпами бежали смотреть на строительства выставки, больницы, музея, и успевали везд.

Всем очень хотелось ускорить приближение этих торжественных дней, немало потрудились «отцы города» и органы, обеспечивающие порядок и заботу о безопасности «высоких гостей», у которых главной эмоцией была забота и страх за свою жизнь. Это и понятно. В памяти народа еще свежи были Кровавое воскресенье, Ленский рас-

стрел рабочих на далеких золотых приисках в 1912 году, давший мощный подъем революционного движения по всей стране, в особенности в таких рабочих центрах, как была Кострома.

Для встречи «дорогих гостей» все это было продумано довольно основательно. Поскольку этот юбилей праздновался во всероссийском масштабе, то в основном подготовка к нему велась с верхов.

Были отчеканены юбилейные бронзовые медали с изображением голов царя Михаила Федоровича и императора Николая II-го, а также серебряные рубли с таким же изображением и указанием юбилейной даты. Заблаговременно было подготовлено большое количество именных ценных подарков для «достойных», в виде золотых и серебряных часов, портсигаров, жетонов и прочее. А сколько было заготовлено роскошных адресов, приглашений билетов, специальных пропусков, программ празднества и т. д.

Празднование началось в Петербурге в феврале месяце 1913 года, а с середины мая оно должно быть продолжено по следующему маршруту: до города Нижнего Новгорода по железной дороге, а оттуда по Волге с остановкой в Костроме, Ярославле и Угличе и далее снова специальным поездом до Москвы. Следовательно, был избран маршрут, по которому шло посольство из Москвы в Кострому для приглашения на царство Михаила Федоровича, но в обратном направлении.

В последние предпраздничные дни ежедневно по несколько часов все учащиеся тренировались, маршрута по городу с деревянными, буфафорскими ружьями. Учащиеся женских учебных заведений маршировали с букетами цветов.

Вот, наконец, наступили долгожданные дни. Надо сказать правду: все, от мала до велика, с нетерпением ожида-

Встреча царской эскадры у стен Успенского собора. Май 1913 г.

ли приезда «Божьего помазанника» и его «августейшего» семейства. Ведь костромичи еще не видели ни одного живого человека из царствующего семейства. Всем хотелось скорее и поближе увидеть гостей.

Большие реставрационные работы были произведены в Ипатьевском монастыре за рекой Костромой, где решили организовать царскую резиденцию и провести первую встречу.

Хозяева города наивно думали, что царь и его семейство рискнут провести ночи на берегу, но этого не случилось, за два-три дня в Кострому стали приезжать высшие офицеры и гражданские лица из императорской свиты, министры и великие князья.

19 мая празднично украшенный город с самого раннего утра ждал приближения речной флотилии. Всем населенным пунктам, расположенным по берегам Волги от Нижнего Новгорода до Углича, было приказано строить арки, украшенные национальными флагами, государственными гербами, императорскими вензелями, верноподданнейшими аниглагами и лозунгами. Все взрослое население обязывалось выходить на берег и приветствовать флотилию криками «Ура!».

Прибрежные сельские церкви должны были встречать гостей колокольным звоном. Флотилия двигалась серединой фарватера реки, нигде не останавливаясь, до самой Костромы, лишь замедляя ход около городов и крупных населенных пунктов. С рассветом весь берег Волги против города и с городской стороны заполнялся

празднично одетым народом. Каждый стремился занять свое место ближе к реке или на холмах у собора, маленького бульварчика, на городицких холмах, а также на стрельке.

Нас, гимназистов, установили развернутым строем по двое по Ильинской улице, от пристани «Самолет» до Русиной улицы. Против нас стояли гимназистки Григоровской гимназии. Как только царская флотилия показалась около Татарской слободы, по удару большого соборного колокола раздался оглушительный колокольный звон всех сорока церквей. С заволжской стороны, от Городища, раздался залп артиллерийского салюта. Вдали, около Ипатьевского монастыря, а также на городской стороне играли духовые оркестры. Народ криком «Ура!» приветствовал «царственных гостей».

Флотилия в составе пароходов «Межень», «Стрежень», «Свияга», «Царевич Алексей» и «Царь Михаил Федорович», эскортируемая паровыми катерами речной инспекции, медленно проплыла мимо города к Ипатьевскому монастырю.

Царь Николай II со своим семейством находился на пароходе «Межень», и все они у города вышли на палубу, приветствуя костромичей. Так как флотилия шла центром реки, то за дальностью расстояния рассмотреть кого-либо было очень трудно.

После проезда гостей учащиеся распустили по домам, на завтрак, с тем чтобы через три часа всем быть на тех же местах.

Первая встреча состоялась в районе Ипатьевского монастыря.

Там собрались высший генералитет, царская свита, представители костромского дворянства, сановники, «отцы города» и войска. После церемониала встречи все проследовали в монастырский храм, где был отслужен торжественный благодарственный молебен, после чего состоялся парад войск Костромского гарнизона совместно с прибывшими ереванцами, кизлярско-гребенцами и донцами.

После осмотра древностей Ипатьевского монастыря, усыпальницы Годуновых, двора Михаила Федоровича гости и сопровождающие их лица водным путем направились в Кострому, где все уже было готово для торжественной встречи.

По маршруту следования гостей по обеим сторонам улиц стояли плотным строем учащиеся, за ними были натянуты канаты, за которыми разрешалось стоять неорганизованному населению. Между рядами учащихся и населением была цепь полицейских, жандармов и каких-то типов в штатских костюмах.

Внешне казалось, что детям и учащимся выделены наилучшие места, чтобы лицезреть «обожаемого монарха» и его свиту, а на самом деле это было придумано ис-

ключительно из страха и предосторожности с расчетом, что никто не решится бросить бомбу через головы детей.

Во время проезда процессии не разрешалось открывать окна, залезать на крыши домов и на деревья, но это указание полиции везде нарушалось, и нарушителей не преследовали.

Все шло по плану, лишь подводила погода, с утра угрожавшая дождем, а к вечеру разразившаяся грозой и ливнем.

Хочется сказать еще об одной детали. Трудно объяснить, почему для передвижения по городу был полностью исключен автотранспорт, хотя к тому времени в Костроме уже были легковые и даже грузовые автомобили.

Откуда-то появились прекрасные вороные рысаки, управляемые представительными бородастыми кучерами в блестящих буфаторских костюмах. Открытые экипажи блестяли на солнце своим черным лаком. Нам, стоявшим у самой пристани, отлично было видно, как царь и его семейство, окруженное блестящей свитой и встречающим городским и губернским начальством, выходили по красному сукну пристанского мостка, как все размещались по экипажам и ехали по Ильинской улице на Русину. Первым на паре вороных рысаков, стоя лицом к царю, ехал губернатор Стремухов в своем белом придворном мундире, с красной лентой через плечо (орден

Его императорское величество с супругой после посещения Романовской больницы. Фото И. Е. Дремлина. Май 1913 г.

1914–2014

Станислава I степени), со шпагой и в треугольной шляпе с плюмажем. За ним следовал экипаж с царем Николаем II, его супругой и матерью Марией Федоровной, а далее экипажи с дочерьми и наследником Алексеем, с которыми неотлучно находились великан, красавец матрос Деревяшко. Свита и генералитет ехали сзади.

У меня до сих пор перед глазами стоит фигура одного странного гостя, ехавшего среди свиты, он был в возрасте старше сорока лет, с длинной черной бородой, острижен под кружок. Обращала внимание его одежда: черный мужицкий кафтан, белая шелковая русская рубашка и черные шаровары, заправленные в русские сапоги. Говорили, что это был Гришка Распутин, но сказать наверняка не могу, т. к. среди фамилий гостей, опубликованных в официальной прессе, этой фамилии не упоминалось. Их величества в сопровождении свиты и генералитета с пристани проехали в губернаторский дом.

Я, как и все подростки и взрослые костромичи, в этот день испытывал какую-то торжественность. Нам пришлось своими глазами видеть российского самодержца,

«помазанника Божьего», как в то время именовали царя. Какое-то чувство благоговения, умиления и в то же время страха испытывал каждый при виде этого невысокого, худощавого, рыжебородого полковника, с ничем не выражающим, холемым, с небольшим стеклом лицом. Надменный вид и осанка ее величества Александры Федоровны были много величественнее, чем у ее венценосного супруга.

Дочери не блистали красотой, но были богато и просто одеты в совершенно одинаково светлые костюмы, жалкое впечатление оставалось от вида наследника-цесаревича. Он очень плохо передвигался и с пристани в экипаж выносил его на руках матрос-нянчика. Оба дня мальчик был одет в матросский костюм, милостивое, бледное лицо его отражало тяжелое хроническое заболевание.

Такое впечатление осталось у меня от всего семейства Романовых, за два дня пребывания гостей в Костроме мне удалось видеть их трижды. В первый день гости посетили губернаторский дом, где состоялся прием делегаций от всех учреждений и предприятий, а также религиозных

Выезд императора Николая II с супругой на территорию Успенского собора. Май 1913 г.

общин и сект, «дворянское собрание», где также был прием делегаций во главе с уездными предводителями дворянства.

После всего был осмотрен недавно открытый местный музей. Резиденцией для отдыха и сна был избран один из пароходов флотилии, поставленный на рейд под охрану речной полиции.

Торжественные завтраки и обеды проходили в губернаторском доме, в Дворянском собрании, а также в Богоявленском и Ипатьевском монастырях.

Особенно торжественным был второй день праздника. С утра, после пышного богослужения в кафедральном соборе, процессия, возглавляемая высшим духовенством, направилась к специальному шатру, оборудованному в конце соборной площади для проведения церемонии закладки памятника 300-летия дома Романовых. Фундамент для будущего памятника был уже заложен. После специального молебна в этом шатре император, взяв два юбилейных серебряных рубля, положил их в луку фундамента, то же сделали все члены царской фамилии, после чего Николай II заложил первый кирпич. Не знал «Божий помазанный», кому он заложил этот памятник. Тут же на площади состоялся парад всем войсковым соединениям. Мы в этот день стояли по пути следования на Борисоглебском переулке, а к 4 часам дня были переведены в район выставки. После парада царское семейство перешло в беседку, откуда его приветствовали толпы костромичей. После обеда был снова прием делегации прямо в губернаторском саду. Большую изобретательность проявили земские дельцы, подобрав волостных старост и старшин: одного к одному, солидных, бородатых и, конечно, самых зажиточных. Все они были одеты в новые синие суконные кафтаны, в синие картузы и смазанные кожаные сапоги. У многих из них были какие-то медали, и у всех большие медные бляхи на цепях, надетых через шею, это был знак государственной власти.

Эта верхушка деревни на самом деле не могла представлять интересы крестьянских масс, но зато была ярким сторонником абсолютной монархии.

Благодаря теплой, ясной погоде прием крестьянской делегации состоялся прямо на свежем воздухе в губерна-

Вид на Костромскую губернскую земскую выставку в дни визита царской семьи по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. 1913 г. Фотограф К.К. Булла

торском саду. Там же был организован торжественный обед, для которого старшины получили юбилейные кружки и гостинцы в шелковых платках с портретами Николая II и царицы Михаила Федоровича.

Представлялась царю и преподносила хлеб-соль и еврейская делегация во главе с самыми богатыми и почетными кушачами Гутманом, Домбеком и другими. Всем известно отношение главы «великой империи» к еврейскому населению, и совершенно непонятно было это представительство. Все это я описываю более подробно, потому что сам был свидетелем, смотря на все происходившее в губернаторском саду с соседнего двора дома Яковлева.

После приема и торжественного обеда царь с дочерью посетил новую больницу Красного Креста, приняв участие в ее открытии, а также сельскохозяйственную выставку. Царица же во второй половине дня посетила Богоявленский женский монастырь, где вместе со своей свекровью Марией Федоровной и фрейлинами А. Вырубовой и другими пробыла несколько часов и приняла участие в торжественной трапезе в покоях игуменьи Анны (бывшей княжны).

Все костромичи сумели принять какое-то участие в этих торжествах, в большинстве своем хотя бы как пассивные зрители. Было устроено народное гуляние в первый день празднования в районе циклодрома, на территории, занятой в настоящее время областной больницей.

Принимались все меры для того, чтобы не допустить непосредственного общения простого народа с царем.

Кстати сказать, это гуляние полностью не удалось из-за грозы и проливного дождя.

С наступлением темноты город был иллюминирован растановой по тумбам плошек с горящим маслом, зажигались цветные фонарики, жгли фейерверки.

К вечеру второго дня костромичи проводили гостей. Под звон колоколов, звуки духовых оркестров, салют артиллерийских орудий и крики «Ура!» флотилия, эскортируемая катерами речной инспекции, вышла вверх по Волге, в г. Ярославль.

Все активные участники встречи получили награды по своим заслугам: одни – повышения по должности, другие – ордена, памятные подарки в виде именных золотым и серебряным часов, портсигаров и жетонов, а также высочайшие благодарности в указах и т. д.

Государственные служащие, офицерство, полиция и жандармерия получили, кроме прочих наград и подарков, еще и юбилейные медали. Нижним чинам войсковых соединений было подарено по одному юбилейному рублю. Особенно были отблагодарены полиция и жандар-

мерия, они получили наивысшие награды. Им-то было за что. Порядок и безопасность гостей были обеспечены.

Костромичи проводили гостей, постепенно начали убирать все праздничное убранство, за исключением выставки, которая функционировала до поздней ночи.

Жизнь древнего волжского города вошла в свою обычную колею, до новых испытаний, которые были уже не за горами. Большое впечатление в сознании многих костромичей оставило это редкое событие. Каждый оценивал его по-своему. Много было довольных, обласканных и цененных.

Вот, благодаря юбилею протонерей о. Алексей Андроников получил орден святой Анны I степени и одед через плечо орденскую ленту. Полцимистер Волонцевич и его заместитель Красовский были «пожалованы» именными золотыми часами с императорским гербом, а начальник епархиального училища Любовь Ивановна Поселова в течение нескольких дней никому не давала руки, говоря: «Ее жал государь император». Уж очень она кичилась золотым жетоном и юбилейной медалью...

ПОД КРЫЛОМ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ

Коллектив учащихся школы слепых, и взрослые, и бывшие ее воспитанники, решили отметить 300-летие дома Романовых учреждением в Костроме Общества взаимной помощи слепым, которое работало бы под крылом Костромского отделения попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. Новая организация должна была содействовать нравственному просвещению, умственному развитию и трудолюбию слепых, созданию для них удовлетворительных условий жизни путем обеспечения постоянного заработка и сбыта их произведений. Обществу предоставлялось право устраивать библиотеки и читальни, публичные чтения, музыкальные вечера, экскурсии и издание периодического журнала (рельефным шрифтом), открывать магазины для продажи изделий слепых, устраивать общежития, дешевые квартиры и столовые, выдачи ссуд, пособий и пенсий престарелым и нетрудоспособным слепым и т. д. Обществу предоставлялось право производить сбор пожертвований по подписным листам и кружкам, устраивать базары-лотереи. «Только тот, кто ближе знаком с тяжелыми условиями жизни слепых, оценит важное значение задуманного дела, – так писал об этом событии журнал «Нива» № 9 за 2 марта 1913 года. – Именно на слепых тяжелее всего отражается все нарастающая дороговизна жизни, невозможность конкурировать со зрячими работниками, безработица и грозные ее последствия – нужда, доводящая их

до тоски и отчаяния. Душою всего дела является князь Д. М. Оболенский, сам слепой».

Эти начинания и явились прообразом будущего Общества слепых (ВОС), которое возникло в Костроме лишь в двадцатье годы. Жаль, что не сохранилось архивных материалов, позволяющих рассказать, что полезного оно успело сделать.

До 1914 года существенных изменений в жизни школы слепых не было. Но с первых же дней войны все родительские дети из школы были распушены, а основное здание переоборудовано в лазарет для раненых. Остались только круглые сироты. Воспользовавшись спеш-

В дворницком особняке Шиповых на Покровской улице (совер. ул. Энгельса) в конце XIX в. разместилось училище слепых. Фото В. Н. Клара. 1908 г.

кой и безответственно чиновников, темные дельцы из числа служащих школы весь ценный инвентарь раскидали, в том числе и набор великолепных духовых труб, купленных для только что созданного духового оркестра. Им руководил известный в городе капельмейстер Константин Васильевич Васильев.

Основная часть воспитанников в это трудное время занималась музыкантством, чтобы как-то прожить. Имевшие музыкальные способности подрабатывали игрой на

баяне в питейных и увеселительных заведениях. Некоторые, объединившись, пели по церквам и на погребениях умерших. Только единицы самых способных и одаренных характером людей добивались более высокого уровня, к примеру, можно назвать литератора и корреспондента «Поволжского вестника» А. П. Белорукова, учителя музыки и пения Я. Клиничинского, проработавшего более 25 лет в образовании, учительницу Чугунову и еще несколько человек...>

НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Быстро прошла зима 1913/14 года в мужской гимназии, где я учился. Еще в 1910 году многим моим соотечественникам была понятна передислокация польских воинских частей из центра империи: самодержавие не доверяло порабощенному союзннику и боялось измены при начале войны с Германией.

В костромской гимназии появился новый преподаватель военного дела, капитан Пултусского пехотного полка Николай Петрович Репин. Это был типичный царский служака, едва после сорокалетнего возраста получивший в командование роту. Он был среднего роста, худощавый, с ярко-рыжей небольшой квадратной бородой, одет был всегда строго по форме. Говорил тихо и спокойно, но команды подавал отчетливо, громко и точно. На уроки он всегда приводил одного или двух унтер-офицеров, которые демонстрировали упражнения на гимнастических снарядах (параллельных брусьях, коне, кольцах, турнике и буме). Сам капитан показывал упражнения редко. Этому причиной было, вероятно, возраст.

Мы, гимназисты, в основном очень любили военные занятия, в особенности те из нас, которые готовили себя к военной карьере. К этой категории, конечно, принадлежал и я. Мое усердие было отмечено капитаном, и я вначале был назначен командиром отделения, а вскоре и командиром взвода, т. е. своего класса. Весной я успешно перешел в 6-й класс.

В ночь на 1 августа старого стиля 1914 года по всему городу был расклеен высочайший манифест о начале войны с Германией, вероломно напавшей на наше государство и поработившей славянские народы на Балканах. Народ призвался грудью встать на защиту Веры, Царя и Отчества и освободить от порабощения братьев-славян.

Одновременно с манифестом были расклеены приказы костромского воинского начальника о призыве по мобилизации на действительную военную службу нескольких возрастов запасных офицеров и военных чиновников, а также объявлялся набор в армию лошадей и транспортных средств.

С раннего утра мобилизационная машина уже заработала на полный ход. Прежде всего в ту же ночь экстренно

были опечатаны все винные склады, казенные винные лавки, пивные и все предприятия, связанные с продажей спиртных напитков. Для некоторых категорий людей это мероприятие оказалось роковым. Так, распался корпорация зимогоров, которых объединял в один коллектив исключительно алкоголь. В первые же дни сухого закона было отмечено несколько случаев скоропостижных смертей привычных алкоголиков, не имевших возможности поддержать сердце «похмелькой». Было много случаев отравления спиртными лаками, политурами, одеколонами и прочими суррогатами спиртных напитков.

Только самая верушка костромского общества имела какой-то доступ к запретному, и, кажется, без всякого ограничения. Мне помнится, капитан Даманский, зная о нашем знакомстве с заведующим казенной винной лавкой Ладе, обратился к маме с просьбой достать хотя бы немного водки, которую он любил выпивать перед обедом по 1-й рюмки. Но мама не смогла этого сделать, а к и сам хозяин не успел ничего себе взять – так быстро и так строгойшим контролем все было опечатано.

Неузнаваемо изменился облик города всего за один день. У всех появились какая-то озабоченность, светлость, беготня, неудержимое любопытство побольше всего узнать. По городу открылись призывные пункты, куда со всех концов уезда потянулись призывники-лапотники, для этого случая особенно бедно одетые, зная, что собственная одежда будет заменена на военную шинель. За спинами призывников висели заплетенные мешки «сидоры» с сухарями и немудреным солдатским скарбом. Призывников сопровождали родители, жены и даже дети. Из особого уважения к призывникам мешки несли родители или жены.

Монархические организации и правые партии в первый же день начали организовывать патриотические манифестации – с иконами, царскими портретами, с флагами и патриотическими лозунгами маршировали они по улицам города с пением гимна «Боже! Царя храни!» и прочими патриотическими песнями. На площади, у здания городской управы и около памятника Ивану Сусанину, стихийно возникали митинги все с теми же призывами, которые были указаны в манифесте. Во всех церквях то-

Сестры милосердия. Фото начала XX в.

рода служились молебны о даровании победы «христовому русскому воинству».

Туговало приходилось домовладельцам, которые не освобождались от постоя мобилизованных, т. к. они обязывались обеспечить на некоторое время помещением и обслуживанием какую-то партию призывников. Мы от этого постоя освобождались, т. к. в нашем домовладении проживал офицер.

Бойко торговали трактиры, чайные и заезжие дворы, где проводили последние часы призывники со своими родными. Владельцы, пользуясь случаем, посбывали много залежалых следок, колбасы и сыру, баранок, которые не были всегда свежими, но пользовались большим спросом. Пьяных почти не было, но женских слез и истерических криков было в изобилии.

В первые дни войны мы еще не учились, а потому имели очень много свободного времени, чтобы везде побы-

вать и все видеть. Меня особенно тянуло на Сенную площадь, где военные комиссии проводили мобилизацию конного состава. В те времена было из чего выбирать. Выводились из барских помещичьих усадеб и частных конных заводов породистые лошади, коней неплохого качества сдавали зажиточные крестьяне.

Армии требовалось очень большое количество лошадей, т. к. никакой автотяги в те времена не было даже в артиллерии. С первых же дней войны стали печататься официальные бюллетени и телеграммы о ходе военных действий на фронтах. В них больше указывалось о наших победах, о поражении и отступлении вражеских войск с большими потерями в людской силе и технике. В то же время в городе срочно очищались и переоборудовались помещения больниц, некоторых школ и прочих зданий под военные лазареты, как в то время называли госпитали. Новая больница «Красный Крест», частная водолечебница, духовное училище на Козьмодемьянской улице, училище слепых и некоторые другие крупные здания переоборудовались под лазареты в первую очередь.

Пултусский полк, в течение двух суток пополнившись запасами, развернувшись по штату военного времени, вышел на фронт, оставив для формирования маршевых рот штаб будущего 88-го пехотного запасного полка.

К нам в гимназию вместо ушедшего на фронт Репина, получавшего чин подполковника, для преподавания военного дела был назначен подполковник Слободов, оставшийся в штабе запасного полка.

Общество «Красный Крест» организовало краткосрочные курсы сестер милосердия. Благодаря патристическому подъему в первое время желающих обучиться на этих курсах было много. Форма сестры милосердия стала скоро очень модной, и ее носили не только при исполнении служебных обязанностей, а и повседневно. Даже ходили в ней в гости и на вечера. Она состояла из светло-серого закрытого платья, белого фартука с красным крестом на груди, белой повязки с крестом на левом рукаве и белой же косынки, кокетливо одеваемой под булавку.

Скоро в местной газете «Поволжский вестник», а также в специальных объявлениях, развешиваемых в городе, стали появляться призывы вступать в действующую армию добровольцами, вольноопределяющимися, а также открылся прием на ускоренный курс в военные училища всех родов войск и вновь открываемые школы прапорщиков. Срок обучения в военных учебных заведениях был установлен 4 и 6 месяцев в зависимости от рода войск. Желающих за столь короткий срок получить офицерское звание в первые два года войны также было много.

В первую же военную осень различные добровольные общества, а также дамы-патронессы, в основном жены и дочери высшего чиновничества, буржуазии, офицеров и даже жены купцов начали сбор средств на подарки воинам, организовывали с этой целью вечера, балы, карнавалы, гулянья и прочее. Некоторые женщины создавали

артели пошиву теплых вещей, вязки носков, перчаток, шарфов и т. п. Был брошен клич к населению о сборе теплых вещей, на что костромичи откликнулись очень охотно и продолжали помогать фронту до последних дней войны. Много поставлялось индивидуальных посылок с подарками и теплыми вещами.

Не прекращая коллекционирование еженедельных книжечек о походе различных сыщиков, с первых дней войны я аккуратно начал покупать номера еженедельного журнала «Огонек», в котором, помимо весьма наивных рассказов и повестей о героизме наших воинов, было отведено несколько страниц для фотокарточек отличившихся в боях, раненых и убитых офицеров и режиссеров солдат. Для генералов была отведена специальная страница, где в виньетке, составленной из переплетенных вокруг лавровых веток георгиевских лент и украшенной регалиями и государственным гербом, размещались крупные фотографии русских полководцев того времени. Кроме «Огонька», покупал журналы «Родину», «Ниву» и «Пробуждение». Они также были иллюстрированы.

В один из первых дней войны был призван на действительную военную службу Виктор Васильевич Лбовский. По просьбе родных его отпустили на сутки домой. Каким-то путем ему удалось достать чего-то спиртного. Изрядно выпив, он, восплавав патриотическим духом, выбежал на улицу и с криком «Бей немецкое отродье!», «Круши фрицев!», употребляя при этом отборную брань, начал бить стекла в квартире Моргенфельда. Потребовалось вмешательство многих соседних мужчин, чтобы связать и успокоить разгулявшегося призванного. В квартире Моргенфельда оказались перебиты стекла во всех окнах. Правда, на другой день они были вставлены за счет Виктора Васильевича, который выразил глубочайшее сожаление по поводу этого прискорбного факта, но эта патриархальная семья оказалась не на шутку перепуганной, а старики – Карл Христианович и Августина Карловна даже слегли на несколько дней в постель. Инцидент крепко врезался в нашу память, так как до этого времени на нашей тихой Ивановской улице подобных «побоищ» не бывало.

Раненые солдаты с медицинским персоналом в саду военного госпиталя №26 ул. Московская в годы Первой мировой войны. 1914 г.

Все костромичи очень охотно готовились к встрече первых санитарных поездов с ранеными воинами. Своевременно были подготовлены лазареты с соответствующим штатом врачей, сестер милосердия, санитаров и прочего обслуживающего персонала. Встречи первых военно-санитарных поездов были организованы весьма торжественно.

Задолго до прихода поезда на вокзал, который в это время был за Волгой, собирались врачи, сестры милосердия, санитары с носилками, подъезжали конные крытые санитарные повозки. Собирались представители городской администрации, дамы-патронессы, учащиеся. Обязательно выходил военный духовой оркестр. Прибывающим раненым тут же дарили гостинцы, цветы и неизменные иконки.

Тяжелобольных на носилках переносили до подвод. «Братья милосердия» несли их до перевозного парохода «Горожанин», заменившего собой допотопного «Бычкова», и далее на городской стороне до лазарета. Некоторые легкораненые, по их просьбе, с помощью медицинских работников переходили сами.

Прием раненых в лазаретах также был обставлен с большой пышностью и заботой, но со временем, как

это всегда и бывает, патриотический пыл постепенно стал ослабевать. Большую активность в организации встреч раненых, в устройстве благотворительных вечеров, сборе различных пожертвований проявляли гимназисты, гимназистки, реалисты, семинаристы и техники Чижовского училища.

Телеграммы и бюллетени о ходе военных действий говорили о наших победах, о тысячах плененных немцев и австрийцев, о захвате нашими войсками населенных пунктов, массы пушек, пулеметов, снарядов и военного имущества. В то время в Кострому и прочие тыловые города ехали сотни семей беженцев из Польши и Прибалтийского края. За их счет население города стало быстро расти. И вскоре начали ощущаться недостатки жилой площади.

Если до войны коренные костромичи почти все знали друг друга, то уже в первые месяцы войны мы каждый день встречали все новых и новых людей. Чаще слышалась нерусская речь, западный акцент. Мы, учащая молодежь, пока беспечно гуляли осенью на бульварах, а с наступлением зимы на Русиной улице, прохаживаясь взад и вперед от центра до Козьмодемьянской улицы и обратно.

183-й Пулуусский пехотный полк. Фото начала XX в.

Но вот и для нас наступила пора уступить свое первенство: на Русиной улице появились «блестящие прапорщики» в новенькой походной офицерской форме, сверкающей золотыми погонами. Начищенная новенькая шапка была гордостью каждого юнца, облаченного в офицерскую форму. Некоторые, как пулеметчики и артиллеристы, надевали еще и шпory. Вот это были действительно солидные соперники учащейся молодежи уже потому, что были будущими героями, защитниками Отечества. И, кроме того, они всегда при деньгах, которыми любили шикнуть, покупая для барышень цветы, мороженое, билеты в кино и на многочисленные благотворительные вечера с танцами и аттракционами. Конечно, не многие учащиеся смогли тягаться с военной молодежью.

За первый год войны много наших знакомых было призвано на военную службу. В Костроме по военному ведомству началось строительство военных барачных на Еленинской улице, недалеко от Мичуринских казарм, и на Мясницкой. В начале 1915 года в Кострому из Риги были эвакуированы металлообрабатывающий завод «Пло», который был обнесен за р. Волгой, около села Селища. Впоследствии он был переименован в завод «Рабочий металлист».

Каблучно-гвоздильный завод Рабе разместили в Нерехте. Из Гродно был эвакуирован крупный госпиталь, который обосновался в здании 1-й мужской гимназии. Гимназистов перевели обучаться во вторую смену в здании Григоровской женской гимназии на Пятницкой улице. А вскоре этот госпиталь из-за большого поступления раненых занял и соседнее помещение епархиального женского училища, которому пришлось потесниться в одно крыло здания и в деревянное здание на Ивановской улице.

Недолго гуляли молодые выпускники военных училищ и школ прапорщиков. Не долгие чем через один-два месяца они отправлялись с маршевыми ротами на фронты войны. Она охватила все страны и превратилась в мировую, и при этом и в затяжную войну.

В первые месяцы войны в Костроме, как и в других городах, появились прапорщики, досрочно выпущенные из кадрового состава военных училищ, потом приезжали более солидные прапорщики, нередко с университетскими и институтскими значками из числа вольноопределяющихся запаса и различных льготников. После них состав выпускников менялся уже в худшую сторону — пошли возрастом моложе, а образованием меньше.

Мне, как и многим учащимся старшего возраста, очень хотелось скорее преобразить себя в облик военного, тем более я знал, что брат Володя кончает гимназию раньше меня, а следовательно, и ранее вступит в армию.

Вскоре были отстроены барачи на Мещанской улице, и туда пришел из города Карачева 202-й пехотный за-

Рядовые 183-го Пултусского пехотного полка. Фото начала XX в.

пасной полк, созданный на базе какого-то штрафного батальона сибирских стрелков. Количество военных в Костроме все прибывало и прибывало. А наскоро сформированные маршевые роты все шли и шли в западном направлении в неведомую даль.

Как сейчас помню запасных солдат, одетых в широкие, нескладные военные шинели или со скатками через плечо, с заплетенными мешками, полевыми сумками и неизменными походными лопатками, бессрочными медными котелками. Все было выдано будущим фронтовикам, за исключением оружия, которого уже в 1915 году не хватало. Да, видимо, начальство начинало и по-бывать вооружать в тылу такую ораву. Эти мужчины в солдатских шинелях шли под командой безусых мальчишек-прапорщиков, рисовавшихся своим положением перед провожающими девицами.

В промежутке между игрой духового оркестра запасного полка они заставляли поющих людей, у которых «кошки скребли на сердце», петь нескладные, глупые пес-

ни вроде «Соловей, соловей-пташечка-канаречка.» или «Взлейтесь, соколы, орлами»... А запасники не могли остаться и пели, а слезы невдалеке текли по небритым щекам.

С боку строя всегда бежали бедно одетые и обутые в лапти жены, отцы, матери, дети, провожая в неизвестность, в никуда иногда единственного кормильца. Провожющие причитали, плача навзрыд...

Проходя к Молочной горе и повернувшись к розовой часовне, одиноко стоящей в то время как раз напротив Молочной горы у конца военного плаца, все солдаты, как по команде, обнажали свои гладко остриженные головы, истого крестясь. Должно быть, моля Бога о скором возвращении к родному очагу, а может быть, желая сохранить в живых детей и родных.

До ледостава маршевые роты грузили на паром и на неизменный перевозной пароход «Горожанин». Отвалив от пристани, всю дорогу оглашал во воздух короткими прерывистыми гудками, а в унисон ему печально играл духовой оркестр. Все это, должно быть, еще более натягивало нервы как отъезжающим, так и провожающим....

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Человеческая память хороша тем, что она ярче сохраняет хорошее и затумешивает, затуманивает все жизненные трудности, неприятности и беды. «Время лечит», – часто говорят люди, и это правда.

Моему поколению выпала на долю тяжелая и полная неожиданностей жизнь. Пережил три революции, три больших войны, ломку старого общественного устройства, переоценку всех ценностей... И на седьмом десятке жизни я еще владею хорошо натренированной памятью и некоторым воображением, достаточным для того, чтобы в той или иной мере воспроизвести на бумаге давно прошедшее и пережитое.

Да простят меня потомки, которым вздумается познакомиться с этими записками. Излишне подробное описание событий прошлой жизни нашего города Кострома, незначительных для кого-то семейных взаимоотношений и фактов. Но считаю, что без подробностей не бывает истории, и невозможно понять не только прошлое, но и время, в котором живешь.

Иногда можно слышать от обывателей, разглядывающих старый дом из прочного материала, стоящий среди новы: «Смотрите, как прочно строили в старину!» Но они не задумываются над тем, почему таких домов осталось очень немного?

Также при виде здорового старика иногда говорят: «Вот какие раньше были крепкие люди». И опять не задумываются, что этого старика и некоторых других его сверстников природа, может быть, наградила отменным здоровьем только потому, что они разумно, согласно своей совести, строили свою жизнь.

В эту войну, безусловно, были истинные герои, по-русски сражавшиеся за Родину и не щадившие своей жизни, но чаще всего они оставались в безывестности, удовлетворяясь солдатскими знаками отличия и главным из них – орденом Святого Георгия Победоносца. Даже не отличившиеся, но вышедшие невредимыми из этой «мисорубки», должны были считать себя счастливыми.

А сколько инвалидов, вовсе нетрудоспособных или ограниченных в труде дала Первая мировая война. Как бы ни был искалечен человек, но все же он радовался тому, что остался жив. Придя же домой и став иждивенцем, он видел после войны упадок хозяйства и почти разорение. Грошовая пенсия при полной инвалидности не могла быть подмогой в хозяйстве, и он больше и больше чувствовал себя иждивенцем в семье. Это озлобляло его против власти, против всего, что помешало его нормальной жизни. Так трагический финал Первой мировой войны разрушительно повлиял на самые глубинные основы жизни русской глубинки, какой была Костромская губерния. <...>

Где же наши сверстники – целое поколение, отмеченное этим высшим даром – жить по совести? Увы, оно уходит... Чем дольше человек живет, тем меньше у него остается сверстников – вот что скажу я вам на прощание.

Где сейчас те веселые, задорные, озорные мальчишки-подростки, рабочие, гимназисты, семинаристы, кадеты – мои сверстники, о которых я вам рассказывал? Куда исчезли пышущие здоровьем, жизнерадостные, беззаботные девушки: гимназистки, епархиалки, курстиски и начинающие работницы? Большинство их давно завершило свой жизненный путь в бурный период войн, революций, разрыв и «классовой борьбы». А кто дожил до настоящего, тех неумолимое время изменило до неузнаваемости, превратив в стариков и старух, доживающих свою жизнь в воспоминаниях о давно прошедшей юности.

Но все же большинство из нас выполняло свой природный долг, дав новое поколение, которое, в свою очередь, уже в изменившихся жизненных условиях, повторяет непреложные законы жизни. Один из них, может быть, самый важный – закон любви и памяти. Это заставляет нас из поколения в поколение хранить семейные реликвии, письма и фотографии близких, записывать воспоминания о людях, которых давно нет на свете, но чьи лица светят нам из темноты приближающейся вечности. <...>

Апрель 1965 года.

Кострома.

*Из рукописей неопубликованных книг
Л. Колзушанин «Семейные хроника»,
«Костромская старина»,
«Воспоминания костромича»,
ГАКО. Фонд Р1666*

ПЕРВАЯ ВЪ РОССИИ
 НА АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ХОДУ
ТАБАЧНО-МАХОРОЧНАЯ ФАБРИКА
 ТОРГОВАГО ДОМА

М. Н. ЧУМАКОВА СЫНОВЬЯ

ВЪ КОСТРОМЪ.
 Фирма существуетъ съ 1838 года

Главная контора въ г. Костромѣ,
 Калашниковскій пр.; Старо-Александровскій пер., табачно-бакалейный рядъ.

Июль 1913 ГОД

Февраль.	Мартъ.
1 10 17 24	1 10 17 24
2 11 18 25	2 11 18 25
3 12 19 26	3 12 19 26
4 13 20 27	4 13 20 27
5 14 21 28	5 14 21 28
6 15 22 29	6 15 22 29
7 16 23 30	7 16 23 30
8 17 24 31	8 17 24 31
9 18 25 31	9 18 25 31
10 19 26 31	10 19 26 31
11 20 27 31	11 20 27 31
12 21 28 31	12 21 28 31
13 22 29 31	13 22 29 31
14 23 30 31	14 23 30 31
15 24 31 31	15 24 31 31
16 25 31 31	16 25 31 31
17 26 31 31	17 26 31 31
18 27 31 31	18 27 31 31
19 28 31 31	19 28 31 31
20 29 31 31	20 29 31 31
21 30 31 31	21 30 31 31
22 31 31 31	22 31 31 31
23 31 31 31	23 31 31 31
24 31 31 31	24 31 31 31
25 31 31 31	25 31 31 31
26 31 31 31	26 31 31 31
27 31 31 31	27 31 31 31
28 31 31 31	28 31 31 31
29 31 31 31	29 31 31 31
30 31 31 31	30 31 31 31
31 31 31 31	31 31 31 31

Два изобретения
 1. В. М. Сидорова, 21-го
 2. М. М. Сидорова, 21-го
 3. М. М. Сидорова, 21-го
 4. М. М. Сидорова, 21-го
 5. М. М. Сидорова, 21-го
 6. М. М. Сидорова, 21-го
 7. М. М. Сидорова, 21-го
 8. М. М. Сидорова, 21-го
 9. М. М. Сидорова, 21-го
 10. М. М. Сидорова, 21-го
 11. М. М. Сидорова, 21-го
 12. М. М. Сидорова, 21-го
 13. М. М. Сидорова, 21-го
 14. М. М. Сидорова, 21-го
 15. М. М. Сидорова, 21-го
 16. М. М. Сидорова, 21-го
 17. М. М. Сидорова, 21-го
 18. М. М. Сидорова, 21-го
 19. М. М. Сидорова, 21-го
 20. М. М. Сидорова, 21-го
 21. М. М. Сидорова, 21-го
 22. М. М. Сидорова, 21-го
 23. М. М. Сидорова, 21-го
 24. М. М. Сидорова, 21-го
 25. М. М. Сидорова, 21-го
 26. М. М. Сидорова, 21-го
 27. М. М. Сидорова, 21-го
 28. М. М. Сидорова, 21-го
 29. М. М. Сидорова, 21-го
 30. М. М. Сидорова, 21-го
 31. М. М. Сидорова, 21-го

Вглядитесь и вы, читатели, в эти, может быть, никому не известные лица костромичей, что жили, любили, страдали и радовались век назад. Разглядите, как отпечатались в них время и судьба поколений. Ведь эти фотографии – живой документ непридуманной истории нашего города, нашей Родины, которую рассказал нам с такой теплотой Леонид Андреевич Колгушкин. Сколько же света и мудрости сохранилось в этом взгляде через столетие!

Фотоальманах

из частных коллекций и собраний музеев

НАЧАЛО XX ВЕКА

Старинный
губернский
городок

Ну, что, читатель? Теперь – вперед! На улицы той самой, описанной Леонидом Колгушкиным Костромы. И, не забудьте, она значительно отличается от сегодняшней. Да, многие здания вам знакомы и стоят на тех же местах, что и сто лет назад. Просто обратите внимание, что вымощен булыжником только центр города, а вот боковые улочки – того, грунтовка-с. И щекочет ноздри дым из многочисленных печных труб, который перебивается разве что запахом овчин и лошадиного пота от промчавшей мимо упряжки да квашеной капусты из соседнего двора. И звуки иные: перекликаются гудки паровозные и фабричные, перезваниваются колокола многочисленных церквей, во дворах кудахчут куры и горланят петухи, мычат коровы, а в конном парке призывно ржут лошади.

Малые дети играют в лапту и бабки, бабы с корзинами идут на Волгу полоскать белье, мужики кучкуются у тракторов. Гимназисты в форме, которую даже в каникулы запрещено менять на обычную одежду, чинно идут мимо театра, куда им тоже ходить воспрещается. Если повезет, то они нырнут в синематограф на неподражаемого Максима Линдера или душераздирающую любовную драму, где блистают Вера Холодная и Иван Мозжухин...

Вы явно будете выделяться среди этой толпы. Ну, да ничего – скажите, что вы долго жили за границей и лишь недавно вернулись в Отечество. Ваши странные манеры и непонятные словечки будут извинены.

Хорошей прогулки.

► Ипатьевский монастырь - духовно-административный центр Костромской епархии. Слева - Троицкий собор (летний), справа - Богородице-Рождественский (зимний). Фото начала XX в.

▲ Центральная часть Старого города Ипатьевского монастыря. Слева направо: церковь святых Хрисифа и Дария, звонница и Богородице-Рождественский собор. Фото начала XX в.

► Звонница в Ипатьевском монастыре. В начале XX в. почти всю поверхность ее стен покрывали росписи. Фото начала XX в.

▶▲ Троицкий собор после масштабной реставрации, проведенной к Романовскому юбилею в 1911–1913 гг.

▶▼ Вид на Ипатьевский монастырь. Фото начала XX в.

▼ Дворец царя Михаила Федоровича в Ипатьевском монастыре вплоть до 1912 г. находился в ведении Министерства Двора. Фото начала XX в.

▲ Троицкий собор Ипатьевского монастыря в начале XX в.

► Городское полицейское управление на Царской улице (совр. проспект Текстильщиков). Фото начала XX в.

▲ Здание городского театра на Павловской улице (совр. проспект Мира) было построено в 1862–1863 гг. Фото Д. И. Причищаникова. 1910-е гг.

◀ Железнодорожный вокзал в г. Воложский части города. Первый поезд прибыл сюда 17 декабря 1887 г. Фото начала XX в.

◀ Романовская больница Российского общества Красного Креста. Левая часть здания построена в 1902–1903 гг., правая – в 1911–1913 гг. 20 мая 1913 г. больницу посетил император Николай II. Фото времен Первой мировой войны, когда в больнице размещался лазарет для раненых.

◀ Дом соборного причта, построенный в 1820–1821 гг. Вплоть до революции в нем жили священник и церковнослужители Успенского кафедрального собора. Фото начала XX в.

▶ Ботнический сквер перед губерскими присутственными местами получил свое название по имени городского головы Г. Н. Ботникова, возглавлявшего городское самоуправление в 1898–1912 гг. В проеме сквера виден памятник Ивану Сусянину на Сусянской площади. Фото начала XX в.

▼ Губерские присутственные места. В полукруглом вырезе тимпана раскинул крылья александровский орел. Фото начала XX в.

1914—2014

◀ Муравьевка. На первом плане – Костромская мужская гимназия. Фото начала XX в.

▶ «Большая Московская гостиница» была построена в первом квартале Павловской улицы в начале XX в. Фото XX в.

◀ Западный флигель губернской земской больницы на Русиной улице. Фото начала XX в.

◀ Дом Девриновского собрания на Павловской улице. Фото начала XX в.

▶ В этом здании на Русиной улице с конца XIX в. и вплоть до 1918 г. размещалась губернская земская управа (совр. Досмоленский колледж). Фото Д. И. Приличникова. 1910-е гг.

◀ Мужской гимназия на Муравьеве. Фото начала XX в.

▲ На рубеже XIX–XX вв. особняк на углу Русинной улицы и Борисовского переулка (совр. ул. Крестынская) принадлежал купцам Акатовым. Фото начала XX в.

► Начало Русинной улицы. Слева – здание Нильской церкви. Фото начала XX в.

◀ Здание Костромского епархиального женского училища на Муромцеве построено в 1905–1906 гг. 7 октября 1906 г. здесь началось землетрясение. Фото начала XX в.

► На рубеже XIX–XX вв. этот особняк на Молодой горе принадлежал купцу Клобуковскому. Фото начала XX в.

▼ В начале XX в. в бывшем особняке дворян Карцевых размещалась гостиница «Старый двор». Фото начала XX в.

▲ С конца XIX в. в этом здании на Павловской улице находились Костромская почтово-телеграфная контора. Фото начала XX в.

▼ Корпуса Костромской духовной семинарии на Верхней Набережной. Фото начала XX в.

1914—2014

▲ Церковь Спаса-в-радах. Фото начала XX в.

▶ Так выглядел внутренний двор Красных рядов с 30-х гг. XX в. В центре – куб обложенный и лиственный колокольни церкви Спаса-в-радах. Фото 60-х гг. XX в.

▼ Табачные ряды. Фото начало XX в.

▲ Воскресенская площадь:
Гостиница (Красные ряды),
водонапорная башня, цер-
ковь Спаса-в-рядах. Фото
начала XX в.

▼ Аркада Пряничных ря-
дов. Фото начала XX в.

1914—2014

▲ Весенний разлив.
Фото В. Н. Клара. На-
чало XX в.

► Мужская гимназия.
Фото начала XX в.

▲ Вид Сусаньинской площади. Фото начала XX в.

▼ Солнечное утро столетней давности. Красные ряды и храм Спасо-е-риадх. Фото 1906 г.

► Церковь Козмы и Дамиана, что на Гнощице. Стояла у пересечения Мианской ул. (совр. ул. Островского) и Хирячского переулка (совр. ул. Терешковой). Снесена в 30-е гг. XX в. Фото начала XX в.

► Церковь во имя Иоанна Предтечи в с. Коробове, Костромского уезда, где жила мать Иоанн Сусанина. Возведена в 1854–1855 гг. по распоряжению императора Николая I. Имела статус придворного храма. Фото начала XX в.

▼ Церковь Спаса на Запрудне, возведенная на месте, где, по преданию, произошло явление главной святыни Костромского края – Феодоровской иконы Божией Матери. Фото начала XX в.

▲ Дворянский особняк Штильов на Локровский улице (совр. ул. Энгельса). В конце XIX в. в нем разместились училище слепых. Фото В. Н. Кларка, 1908 г.

► Здание губернских присутственных мест. Фото начала XX в.

► На рубеже XIX–XX вв. этот дворцовый особняк на Ильинке принадлежал купеческой семье Янцен. Фото начала XX в.

▼ С 1906 г. в этом здании в начале Никольской улицы (совр. ул. Свердлова) размещалась Костромская губернская типография. Фото Д. И. Правичникова. 1910-е гг.

▼ Нижняя Набережная (совр. ул. Лесная). Центральный корпус паровой мукомольной мельницы купца И. Я. Аристова, построенной в строй в 1883 г. Фото начала XX в.

▲ *Молочная гора. Фото Д. И. Праничикова. Начало XX в.*

▶ *Кирха. Фото В. Кларка. Начало XX в.*

▼ *Мусульманская мечеть в природной Татарской Слободе. Стояла у впадения в Волгу Черной реки. Фото начала XX в.*

◀ Городские обыватели. Фото начала XX в.

▼ Вид Солянской улицы. Конец XIX – начало XX вв.

▶ Пожарную каланчу в конце XIX в. накрыли уродливым металлическим колпаком. Фото начала XX в.

▼ Благовещенская церковь на Никольской улице (совр. ул. Сверлова), возведенная дедом драматурга А. Н. Островского — протоиереем Федором Островским. Фото начала XX в.

▼ Начало Мианской улицы. На переднем плане узловая башня ограды бывшего Анастасиина (с 1863 г. — Боголюбвенско-Анастасиина) монастыря. Фото начала XX в.

▲ Уголок старой Костромы. На переднем плане – Молочная гора и торговые ряды – Красные, Привычные и Малые Мучные. Слева – церковь Спаса-в-райах, вдали – соборный ансамбль в бывшем Костромском кремле. Вид с колокольни церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи на Мианской улице. Фото начала XX в.

► Ограда соборного ансамбля имела две Святых ворот. Через правые проходили в Успенский собор, через левые – в Боголюбский. Фото начала XX в.

► Церковь Иоанна Златоуста на Лавровской улице. Фото середины XX в.

► В начале XX в. сквера на Воскресенской площади еще не было. Фото начала XX в.

▼ Церковь Илья Пророка в начале Русинной улицы (совр. ул. Советская). Наполевишину разрушена на рубеже 20–30-х гг. XX в. Фото начала XX в.

1914—2014

◀ **Комплекс торговых рядов.**
В центре – церковь Спаса-в-рядах и часовня Христа Спасителя. Вид с Соборной площади. Фото Д. И. Приличникова. 1916 г.

▶ **Суэчинская площадь в начале XX в.** Слева в Большие Мучные ряды. За ними – стена, угловая башня и Сретенская церковь Анастасииа (с 1863 г. – Боголюбенско-Анастасиинский монастырь. За зданием пожарного депо – церковь Рождества Христова, что на Суле.

▲ **Зимний пейзаж старой Ко-стромы.** Боголюбенский кафедральный собор и колокольня. Фото начала XX в.

◀ **Церковь Архангела Михаила на Верхней Набережной (спр. ул. 1 Мая).** Снесена в 30-е гг. XX в. Фото начала XX в.

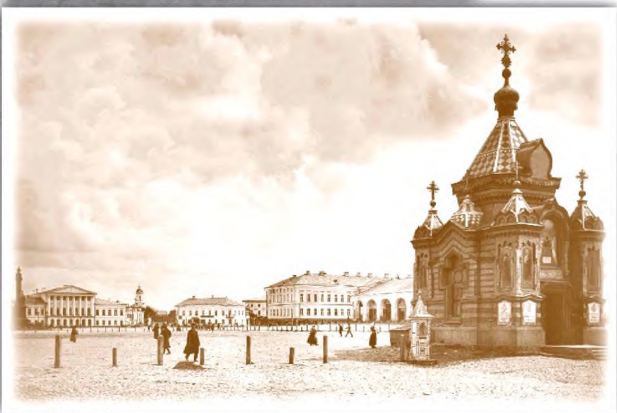
1914-2014

◀ Смоленьская часовенная церковь, Божоматеринско-Анастасиин монастырь. Фото начала XX в.

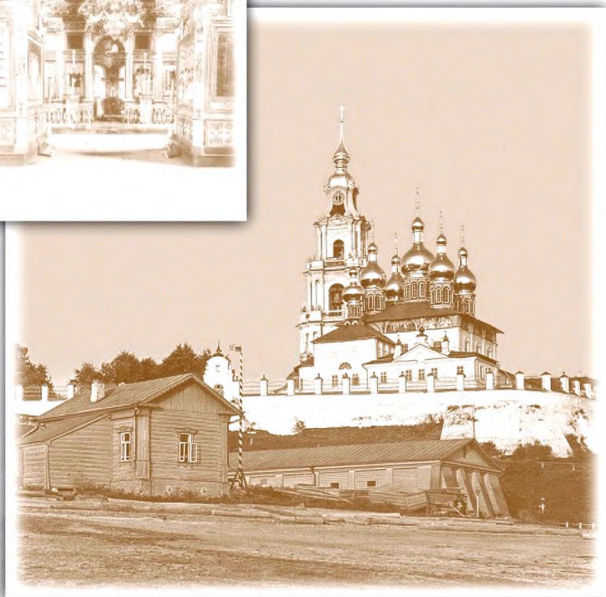
▼ Вид на Суванинскую площадь. Фото начала XX в.

▶ Успенский собор. Фото начала XX в.

◀ Внутреннее убранство Златоусского собора. Фото начала XX в.

1914-2014

▲ Панорама набережной
р. Волги. Слева – Богоявленско-
Анастасийн монастырь.
Фото начала XX в.

▼ Стер на Муравьёвке.
Фото начала XX в.

▶▶ Панорама Сусанин-
ской (Екатеринславской)
площади. Фото начала XX в.

▶▲ Улица Воскресенская.
Фото начала XX в.

1914-2014

▲ Шемиловка. Петропавловская церковь. Построена в 1787 г. Фото начала XX в.

◀▲ Воскресенская площадь. Слева – здание губернских присутственных мест, церковь Воскресения Христова на площади. Фото начала XX в.

◀▼ Торговые ряды с церковью Спаса-в-рядах. На первом плане – часовня Христа Спасителя, пристроенная с торца Тывачных рядов. Часовня построена в 40-е гг. XIX в., перестроена в 1895–1896 гг. Принадлежала Богоявленскому-Воскресенскому монастырю. Фото начала XX в.

► Церковь Иоанна Бологского, что на Кадзаний горе (с 50-х гг. XX в. в ее здании размещается планетарий). Фото начала XX в.

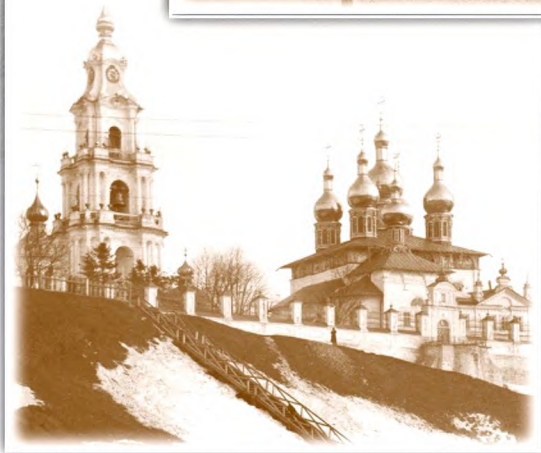

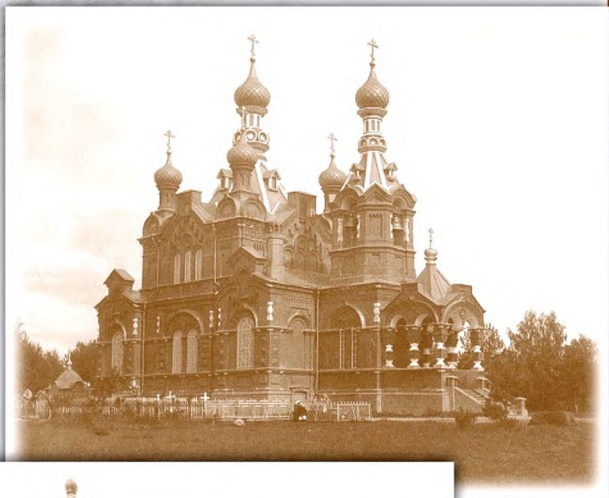

1914-2014

► *Боголюбско-Анастасия женский монастырь. На переднем плане – Смоленская часовенная церковь. Фото начала XX в.*

▼ *Соборный ансамбль бывшего Костромского кремля – сердце старой Костромы. Фото начала XX в.*

▲ Феодоровско-Богородицкая церковь на Новом кладбище, построена в 1883–1897 гг. Открыта в 1934 г. и вскоре снесена. Фото начала XX в.

◀ Земной кремль. Фото А. Павловича. Начало XX в.

► В начале XX в. бывший крепостной вал Костромского кремля с деревянной беседкой на нём подорван вблизи города ближе, чем сейчас. В 30-е гг. при прокладке по набережной железнодорожной ветки часть вала с беседкой была срезана. Фото начала XX в.

◄ Малый бульвар на вершине бывшего кремлёвского вала. Фото В. Н. Кларка. 1908 г.

▼ Панорама кремлёвского соборного ансамбля. Над соборными домами возвышается колокольня и купол Богоявленского собора. На переднем плане – деревянная беседка на бывшем крепостном валу. Фото начала XX в.

► Промышленные предприятия на берегу р. Костромы. Фото начала XX в.

1914-2014

► Одно из зданий химико-технического училища им. Ф. В. Чулкина, открытого в 1894 г. Училище построено на средства Федора Васильевича Чулкина (1811-1877-е гг.) – уроженца Костромы, выдающегося промышленника, строителя железных дорог и мецената. Фото начала XX в.

▼ Боговильенско-Анастасиин женский монастырь. На переднем плане –Смеленская часовенная церковь (перестроенная крепостная башня XVII в.). Слева возвышается колокольня (орудия перестроенная крепостная башня XVII в.). Справа соборная кулапа Боговильенско-Анастасиин собора, рядом с ним – Никольская («Салтыковская») церковь. Фото начала XX в.

◀ Первый квартал Боговильенской улицы. Слева – Третьяковские доходные дома. Фото начала XX в.

▼ Романовский музей на Павловской улице, открытый в 1913 г. На венчающих его шпатах раскинулись крылья богатыря орла. Фото начала XX в.

1914-2014

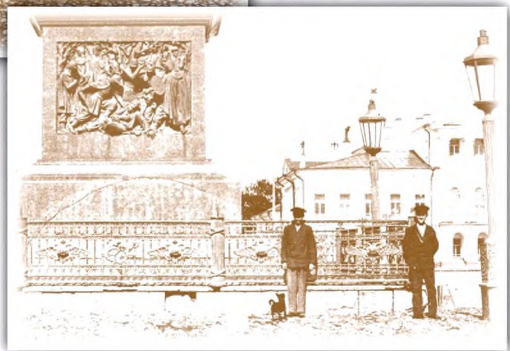

◀ Памятник царице Михаилу Федоровичу Романову и крестьянину Ивану Сусанину на Сусанинской площади – визитная карточка старой Костромы. Фото начала XX в.

▶ ▲ Стерж на Сусанинской площади, между проезжей частью костромичами Свободной. Вид с пожарной каланчи. Фото начала XX в.

▶ ▽ Памятник царице Михаилу Федоровичу Романову и крестьянину Ивану Сусанину на Сусанинской площади являлся одним из главных символов старой Костромы, подобно памятнику Минину и Пожарскому для Москвы, Медному всаднику для Петербурга и памятнику Богдану Хмельницкому для Киева. Фото конца XIX в.

▼ Барельеф памятника. Фото начала XX в.

1914-2014

▲ Улица Нижняя Дебря. Слева видна «Губернаторская» или Борисоглебская гора. Над ней – колокольни Борисоглебской (слева) и Всехсвятской церквей. Фото Д. И. Пряничникова. 1910-е гг.

◀ Начало Боловневской улицы (спра. ул. Симоненского). Фото начала XX в.

► От валажского берега вверх поднимается улица Ильинка. На первом плане – дом саборного причта. Фото начала XX в.

► На экскурсии по городу. Фото начала XX в.

▼ Здание епархиальной женского училища на Мухомовке. Фото начала XX в.

▼ Больница общества Красного Креста. Фото начала XX в.

1914-2014

▲ Бологовский монастырь.

► Никольская церковь Бологовского монастыря. Вид с Бологовской улицы.

► Зимний пейзаж старой Костромы. Богоявленский кафедральный собор и соборная колокольня. Фото начала XX в.

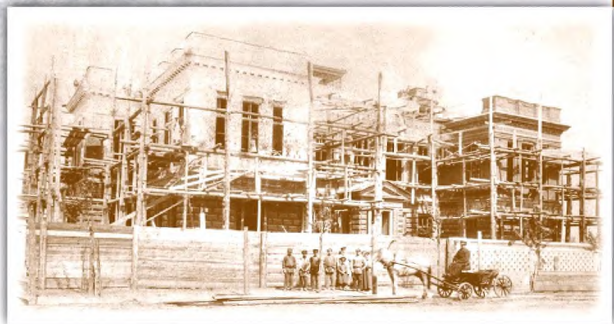
▼ Русинская улица. Фото начала XX в.

1914-2014

◀ Гостиница «Старый двор». Фото начала XX в.

◀▼ Павловская улица (пр. Мира). Слева - здание Романовского музея. Фото 1910 г.

▶ Строительство Чижовского училища. Фото начала XX в.

▼ Здание Смоленской гуртовалы. На заднем плане виднеется Смоленская церковь Благовещенского монастыря. Фото начала XX в.

1914-2014

▲ Павловская улица
(пр. Мира). Здание почты. Фото начала XX в.

▶ Бртяковская фабрика. Фото начала XX в.

◀ Звонница Успенского собора. Фрагмент. Фото начала XX в.

▲ Здание городского общественного управления. Фото начала XX в.

▼ На подходе к Успенскому собору в рядах. Фото начала XX в.

1914-2014

◀ Панорама центра г. Кострома. Слева – подзолотая башня на Воскресенской площади. Фото начала XX в.

▶ Воскресенская площадь, Красные (Гостиничные) ряды, церковь Спаса-в-рядах. Фото начала XX в.

▶ Смер на Муравьевке. Фото начала XX в.

▼ Вид на Кострому со стороны Татарской слободы. Фото начала XX в.

▶ Плотьмеюла у Московской заставы. Фото начала XX в.

1914-2014

◀▲ *Свято-Троицкая церковь (ныне сквер на ул. Комсомольской)*

▶ *Рыбные ряды. Фото начала XX в.*

▶▼ *Крестный ход. Фото начала XX в.*

◀▼ *Фабричный район. Фото начала XX в.*

1914-2014

▲ Соборный дом и Муравьевка. Фото начала XX в.

▼ Панорама Костромы с правого берега.
Фото начала XX в.

Костромские профессии

22

▲ Чесальщики льна. Фото начала XX в.

► Полотно-красильный цех Большой Костромской льняной мануфактуры. Фото начала XX в.

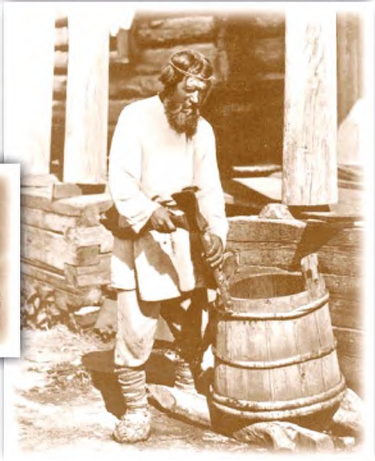

▲ Изготовление совок.
Фото начала XX в.

▶ Костромской бондарь.
Фото начала XX в.

▼ Деревянная палочка – инструмент лардского ночного сторожа.

◀ Деревенская ветряная мельница. Фото XX в.

▼ Платовщики сшит возле шалаши в летние знойные дни. Первая четверть XX в.

▶ Из жизни платовщиков. Первый слева – тепло одетый, значительная часть платовщиков в лоптах. Первая четверть XX в.

▶ Бондари на заготовке продукции. Фото начала XX в.

► Печники. Фото начала XX в.

◄ Бывшая мельница Аристова. Мельзавод. Завалил зерно. Конец 1920 – начало 30-х гг.

◄▼ Погрузка коллоида, отлитого на Костромском коллоидальном заводе С. И. Завенягина, на железнодорожную платформу. Фото Д. И. Пряничникова. 1913 г.

▼ Артель грузчиков на выгрузке мешков с зерном из товарных вагонов. Фото начала XX в.

▲ Настоятельница Бого-
любленско-Анастасиина мо-
настыря игуменья Мария
(Давыдова): 1822-1889),
управляла обителью в
1863-1889 гг.

▲ Епископ Костромской
и Галицкий Авраамий (Гуля-
ницкий): 1852-1892) управ-
лял Костромской епархией в
1888-1891 гг.

◀ Викарий Костромской
епархии епископ Кинешем-
ский Венедикт (Платонов;
1817-1905), служивший в
Костроме в 1883-1905 гг.
При жизни почитался как
святый. Ежедневно на при-
езд к нему в Ипатьевском
монастыре выстраивалась
огромная очередь. Похоро-
нены в церкви Иоанна Боло-
слово, что в Ипатьевской
слободе. Фото конца XIX в.

► *Епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечайев, 1822-1905), управлявший Костромской епархией в 1891-1905 гг. Известный проповедник, бывший духовник семьи П. М. Третьякова*

◀ *Настоятельница Богоявленско-Анастасьинского монастыря икуменца Анна (Левашова), возглавлявшая обитель в 1895-1912 гг.*

▲ Ипатьевский монастырь. Участники IV Облисполкома историко-археологического съезда на крыльце Троицкого собора. 24 июня 1909 г.

▶▲ Служащие и обслуживающий персонал Костромского промышленного училища им. Ф. В. Чацова. Начало XX в.

▶▼ Воспитанницы женского вятковского училища. Фото начала XX в.

◀ Выставка археологических экспедиций в зале Дворянского собрания. Фото начала XX в.

▲ Служащие банка.

◀ Николай Арсеньевич Ушаков, врач Зубернской земской больницы с 1894 по 1914 гг., участник Первой мировой войны, 1920 г.

▼ Группа участников студенческих волнений в Москве, в общей камере Бутырской тюрьмы. В нижнем ряду крайний слева – Захаров Николай Капитанович, 1902 г.

► Медперсонал Костромской губернской земской больницы. Фото начала XX в.

► Летняя операционная Костромской губернской земской больницы. 1916 г.

◀ Плотовщики носят брезентовые чулки; на голове у плотовщика постоянно теплая шапка-ушанка. Первая четверть XX в.

◀ Плотовщики часто пьют воду из реки, рискуя заболеть брюшным тифом, холерой и пр. Первая четверть XX в.

► Из жизни плотницков. Шалаш на плоту. Первая четверть XX в.

◄ Из жизни плотницков. Пища плотницков – картофель, каша, хлеб; на слэбе часто от сырости встречается плесень. Первая четверть XX в.

1914-2014

▲► Во время обеденного перерыва. Фотографии начала XX в.

◄ Рыбацкий домик на берегу р.Волги. Фото начала XX в.

▲ Сушка сетей. Фото начала XX в.

◀ Костромские плотоводы начала XX в.

▶ Костромские рыбаки. Фото начала XX в.

▼ Полоскание белья на волжском берегу. Фото начала XX в.

1914-2014

◄▲ Костромские крестьяне. Фото начала XX в.

▲ Домашняя маслобойка (д. Соболево, Великоп. волости, Сокольнического уезда). Фото начала XX в.

► Крестьяне с. Коробово на сушке сена. Фото 1910 г.

◄▼ Извозчики на набережной Волги. Фото начала XX в.

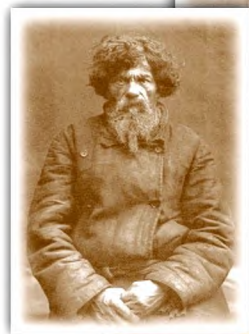
▲ Городская спально-бойня в Костроме. Внутренний вид зала для охаживания туш. Автор проекта – архитектор Н. Горлицын (1-й слева), 1903 г.

▲ Костромские заготовки. Фото начала XX в.

▶▲ Выделяла овчины. Костромская губерния. Начало XX в.

▶ Костромской мясник. Фото начала XX в.

▶▼ Подготовка кишок для колбасы. Фото начала XX в.

► В мастерской образцовой артели ювелиров. Фото начала XX в.

► Приемная пробирного управления на ул. Русиней. Фото начала XX в.

◄ Внутренний двор паровой мельницы И. И. Аристова. Фото начала XX в.

1914-2014

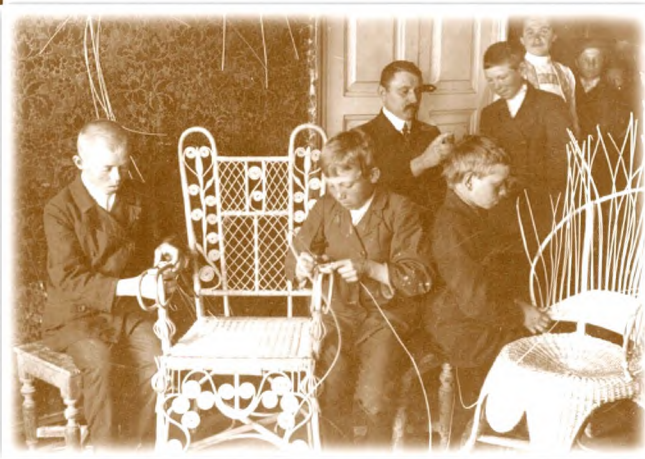

◀▲ Заготовка льда на Волге. Фото начала XX в.

▲ Вырезанные ледяные глыбы помещались в ледяные погребов, где лёд не таял и летом. Фото начала XX в.

◀◀ Зимняя ловля рыбы на Волге в черте города. В начале XX в. на Верхней Волге еще водилась стерлядь, а с низовья реки захватили осетры. Фото начала XX в.

▲ Изготовление кресел в земской учебной мастерской корзиноплетения (с. Шунга, Костромской уезд), начало XX в.

▶ Здание земской учебной мастерской корзиноплетения в с. Шунга, Костромского уезда. Начало XX в.

▶ За работой учащихся шунгенской мастерской. Начало XX в.

◀ Торговля в магазине Костромского общества потребителей. Начало XX в.

1914-2014

▲ Книжные склады. Фото начала XX в.

◀▲ Центр Сувановская площадь. Благоустроили Костромы. Фото начала XX в.

◀▼ Костромские водоводы. Водонапорную башню на Воскресенской площади построили в 1879 г. (возле нее была надстроена третья этаж). Фото начала XX в.

▶ Костромская телефонистка. Фото начала XX в.

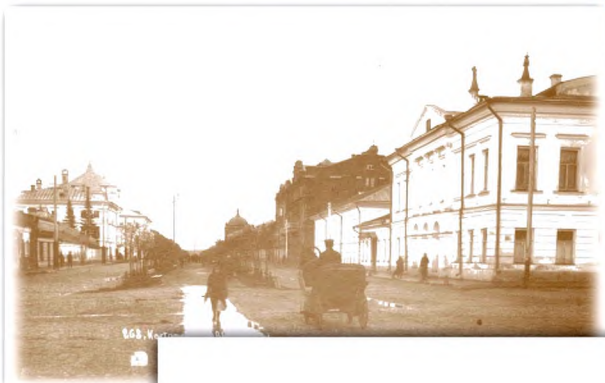

◀ Костромской извозчик. Фото начала XX в.

▼ Популярный транспорт. Фото начала XX в.

▲ Начало Павловской улицы. В проеме улицы виден купол домовой Трехсвятительской церкви Костромского духовного училища (современный роддом). Фото начала XX в.

► Гостиница «Старый двор» на углу Русской улицы и Ильинки. Фото начала XX в.

1914-2014

▲ Бундет на железнодорожном вокзале «Кострома». Фото начала XX в.

▼ Торговые ряды. Фото начала XX в.

► Костромская булочница Лукичина. Фото М. В. Зитова. 1900 г.

Костромские
фотостудии

„Courte, mais bonne.“

25 III 1906.

H. B. ...

Amigos
Bonasas!
Amigos amigos e
meus meus caros e
meus amigos
amigos - Copia
Pais

Уважаемый читатель, представь себя в некоем «присутственном месте»: большой, пока ещё безлюдный зал с огромными, во всю стену, зеркалами, всё уже готово к началу какого-то важного мероприятия... Что ты сделаешь в первую очередь? Ну, конечно, подойдешь к зеркалу, дабы проверить: всё ли в тебе прекрасно, как завещал великий Чехов? А когда тебе принесут фотоснимки очередной встречи школьных друзей – чей неузнаваемый образ ты будешь искать в первую очередь? Ну, конечно же, самого дорогого человека – себя любимого.

Всё это выглядит немного смешно и забавно, но есть здесь и глубинный, потаённый смысл. Время мчится со скоростью курьерского поезда, а мелькающие полустанки – это пролетающие годы жизни: только что ваш мальчик делал свои первые шаги – и вот он уже идёт в гимназию... присылает письмо из армии... женится... советуется, в какой институт лучше всего поступит вашему внуку. А как хочется выскочить на какой-нибудь приглянувшейся станции (платформы «Юность», «Первая любовь», «Снасть»)! Но поезд идёт без остановок, лишь увеличивая скорость, и даже стоп-кран не работает. Романтичный призыв поэта «Остановись мгновенье, ты прекрасно» всё больше напоминает крик отчаяния. И единственная возможность как-то хотя бы виртуально «защепиться», остаться в этом временном промежутке пусть даже на миг на языке профессионалов звучит примерно так: диафрагма 16, выдержка 1/100, чувствительность 45 единиц, ушибом, 21 на 30, приходите завтра после обеда. И будет на старости лет занятие – раскладывать пасьянс из пожелтевших фотографий, а в памяти как-то не к месту всплывёт бестактный парижский школяр: «Где шёлк плечей? Где губ баллаам? Где глаз бездонных поволока? Где тело, чтимое, как храм, куда приходит издалёка?» Но, если вы не читали Вийона – не беда, Градский («Как молоды мы были») – тоже штука, посылание «Фауста» Гёте.

Сейчас модно составлять генеалогические древа. Я моду не люблю, но за эту – обниму руками. Набравшись терпения, затратив время и деньги, перерошив в архивах ренессансные сказки и записи крещений-венчаний, вы получите могучее и ветвистое древо, узрите корни и воз-

гордитесь славными деяниями предков. Всё это так. Ну, а как они выглядели? Увы, этого вы не узнаете никогда. До середины XIX века портрет (в XVII веке он звался парсуна) явление крайне редкое и очень дорогое.

Но провидение даровало человечеству некоего Луи Жака Дагера, который совместил камеру-обскуру и специальным образом обработанную и ставшую чувствительной к свету серебряную пластинку. Желаящие ослепить своим ликом безутешное потомство добровольно подвергали себя экзекуции: усаживались в кресло с подголовком типа ухвата и замирали на четверть часа (так что слово «выдержка» не только фотографический термин, но и характеристика первых клиентов). Это было модно, но очень дорого. Даже замена серебряной пластинки на посеребренную существенно ничего не изменила. И тут – революционный прорыв: коллоидный раствор дисперсного серебра на плотной бумаге (дешёво, демократично, доступно). И платину прорвало: господа из благородного сословия заказывали визитки, купцы цепляли на шею медаль «За усердие», а на внушительной толщине, народ попроще доставал из сундуков кожаные сапоги и шелковую (или сатиновую) косоворотку. На стенах в каждой избе появились целые «кинокасты» из фотографий самих обитателей дома, родных и знакомых с дарственными надписями – навимнями и трогательными.

Пионерами фотографии в патриархально-провинциальной Костроме стали коренные русаки Адольф Шмидт и Михаэль Вейнерт, заведения которых открылись буквально через 3–5 лет после отмены крепостного права. Ну а вскоре подтянулись и обладатели более привычных фамилий: Куракины и Карикины, Федотовы и Васильевы, Воробьевы и Косаткины, Иванские и Ровинские, Кузины и Лапины, Хитрово и Приянишниковы. Более двух десятков фотографов в Костроме, столько же в городах губернии. Они были очень разными: фотохудожники и ремесленники, профессионалы и любители, удачливые – и не очень. Но они вместе совершили великое дело: они оставили нам огромную портретную галерею земляков-костромичей длиной в 150 лет. Низкий им за это поклон. И вечная память.

Сергей ПАВЛОВ.

► Фотосессия на природе. Фото начала XX в.

▼ Фотограф В. Н. Кларк

► К. Булла – «отец российского фоторепортажа».

▼ Тень фотографа на городской улице. Фото начала XX в.

БОЛЬШАЯ
МОСКОВСКАЯ ФОТОГРАФИЯ
Г. П. КУРАКИН

сезонные
работы

Элект

Фот
„Телюсь“

КОСТРОМА, Старый двор,
здесь залезы на возозмож-
аются фотографическая работы.

ЗАНЯТЯСЯ

1914-2014

*Куракинъ
Кострома*

172

БОЛЬШАЯ
ПЯТКОВСКАЯ ФОТОГРАФИЯ
Т. П. КУРАКИНА

УЛ. ПРОТИВЪ ЦЕРК. ПЛЕ...

ются заказы
графиче...

ГРАФИЯ
С. П. Фришкова
КОСТРОМА
ПАВЛОВСКАЯ УЛ. ДОМЪ КАСАТ...
НЕГАТИВЫ ХРАНЯТСЯ
ДИВЕРСИОН ЗАКАЗЫ НА УВЕЛИЧЕНИЕ ПОСТУПАЮТЪ ДО ВЕКОННОЙ ПОЛУЧАЮТЪ СЪ КАРТОЧКА

С. П. Курakinъ

КОСТРОМА
ОСМНА УЛИЦА

БОЛЬ
МОСКОВСКАЯ
Г. П. КУ
СИНА УЛ. ПРОТИВЪ
принимаются заказы на
графическі

ШАЯ
ФОТОГРАФИЯ
РАКИНА

ЦЕРК. ИЛЫ ПРОРОКА

и всевозможная фото-
раба

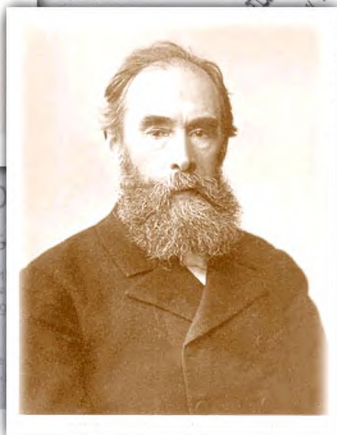

С.М. Третьяков (1880 г.г.) Фотограф ОПРФ

ПРОДАЖА
Разныхъ видовъ
СНИМКОВЪ ДѢТЕЙ.

Увеличеніе съ карточекъ
 и СНИМАНІЕ
 ДО НАТУРАЛЬНОЙ
 ВЕЛИЧИНЫ.
 Снимка дѣтей и
 группъ
 моментально.

ПРИДАТЬ
 и лица, собственноручно

ильбонъ зи
 шо отопляе
 СТАТИК
 НИТО
 нѣе го
 БРЕН

«ОБЩЕДОВО»
И.Н.ЗУБКО
 ПЕТРОГР
 Лиговская ули
 иголь Сельского д
 основ. въ 19

УВЕЛИЧЕНІЕ ПОРТРЕТОВЪ
 ДО ЖЕЛАЕМАГО РАЗМѢРА

Спеціалность СНИМАНІЯ ДѢТЕЙ.
 Изготовленіе открытых альбомовъ съ фотог. землячкова
 альбомовъ «отдѣльныя карточекы для учащихся, желѣзнодорожныхъ служащихъ»

ЯГОВЧЕНКО
МОСТЬ

въ Москвѣ.
домъ № 11

Н.М. и В.Н. Третьяковы. 1890 г. Фотография ОРГТИ

1914-2014

П. Куракин

КОСТРОМА

БОЛЬШАЯ
СКАЯ ФОТОГРА
КУРАКИНА
ОТВѢ ЦЕРК. ИЛИ Д
казы на всевозможны
фическія работы.

ГРАФІЯ.

КУССТВЕННОМЪ
НІАХЪ

ДИНСКАГО

СТРОМЪ
КВЪ МОНАСТЫРЯ

А. Ер. истринскій Кострома.

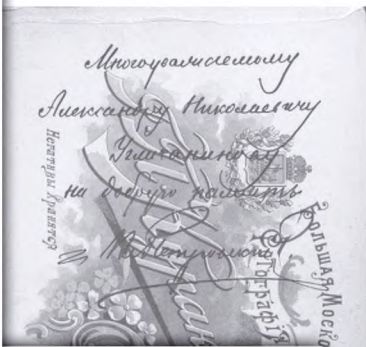
1914-2014

Н.С.Калиш

1914-2014

Русская Гомография
А. И. Переломов

БОЛЬ
ВСКАЯ

П. КУРАКИНА

ПРОТИВЪ ЦЕРК. ИЛИ ПРОРОКА

я заказы на всевозможныя фото-
графическія работы.

ТЬ, М
СТЬ И ВАРН

1914-2014

Семья саваретт Мария (сестр) 1890
ФОТОГРАФИЯ
С. П. Федотов
КОСТРО
ПАВЛОВСКАЯ УЛ. ДОМЪ КАСАТКИНА
НЕГАТИВЫ ХРАНЯТСЯ
ВНИМАЮ ЗАКАЗЫ НА УВЕЛИЧЕНИЕ ПОРТРЕТЫ ДО ИЛИ ПОСЛЕ

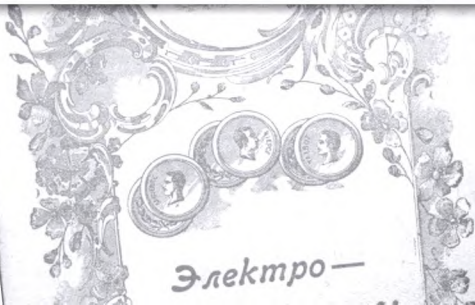
1914-2014

Handwritten text in Cyrillic script, likely names of the individuals in the photograph, arranged in several lines below the image.

Электро —

Большая Московская
Фотография
Ф. П. Сукина
КОСТРОМА

Негатив

1914-2014

Семпер са...

ОЛЬШАЯ
КАЯ ФОТОГРАФИЯ

КУРА
ПРОТИВЪ Ц
заказы на
графическія

арестъ Мар
ГРАФИЯ

С. П.

НА ЗАКАЗЧИКОВЪ КОМПЕТЕНТНО ДО НАСТАВЛЕНІЙ ВЪРАЖЕНІИ СЪ КАРТОНУ

С. П. Курякинъ

КОСТРОМА
РУСИНА УЛИЦА

я (сестр) (Р.) и б.
1890г. (сестр)
Видомова
КОСТРОМА
ПАВЛОВСКАЯ УЛ. ДОМЪ КАСАТКИНА
ПАТРИВЫ ХРАНЯТСЯ
ВЪМЪ СЪ КАРТОНУ
35 КАРТ
КОЛ 30468

1914-2014

На память Даше
отъ Маши и Дениса
Братиничъ

Русина Улица
ПРОТЪ ЦЕРКВИ ИЛИ ПРОРОКА

КОСТРОМА

Исааковъ Абрамъ

191

72 КОК 35448

1914-2014

М. Воровцова Кострома

М. Воровцова Кострома

БОЛ
КОВСКИ

Т. П. КУРАКИНА

А УД. ПРОТИВЪ ЦЕРК. ИЛИ ПРОРО

Имаются заказы на всевозможныя фот
графическія работы.

ТАВ

Фотостудия
„Теліось“
КОСТРОМА, Старый дворь.
Принимаются заказы на всевозмож-
ная фотографическія работы.
НЕГАТИВЫ ХРАНЯТСЯ
39158

СКУРАКИНА

1914-2014

Элек-
тросъ
„ГЕЛИОСЪ“
КОСТРОМА, Старый дворъ.
Принимаются заказы на всевозмож-
ныя фотографическія работы.

НЕГАТИВЫ-ХРАНЯТСЯ.

1914-2014

БОЛЬШАЯ
МОСКОВСКАЯ ФОТОГРА
Г. П. КУРАКИНА
СИНА УЛ. ПРОТИВЪ ЦЕРК. ИЛЪИ
принимаются заказы на всевозможн

Schmidt

КОСТРОМА

196

ТЕЛЕФОНЪ №1903.

ИСКЛЮЧИТ

БЫДЪ

ТОВАРИЩЕСТВО

ФАБРИКИ

БРОМО-ЖЕЛАТИН

БЫВАЯ

Э.В. ЗАВКОВ

Села Космона, в Моск

ПРИ КРАСНОМЪ ИЛИ

В. Куракина

Т. С. Куракина КОСТРОМА

1914-2014

1914-2014

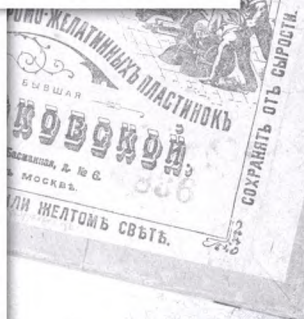

Фотографія
пенскайна

Т. Н. Куракина Кострома

АЛИЧЬ,
КОЛКРИВ

1914—2014

МОСКОВСКАЯ ФОТОГРА
Г. П. КУРАКИНА
РУСИНА УЛ. ПРОТИВЪ ЦЕРК. ПЛЪИ ПР
Принимаются заказы на всевозможныя ф
графическія работы.

ФОТОГР

И ИСКУ
ЩЕНИЯХ

МОЛК

КОСТ

кая ул, пр

ся заказ
иография

ность фото
жественныя
отзывы оп

ография от
до

АФІЯ.

ССТВЕННОМЪ
БЪ

НСК

РОМЪ

ОТИВЪ МОИ

ы на все

скія рабо

тюдры и фо

работы получ

ть г.г. художа

крыта отъ

8 час. веч

ПЕТРОГРАДСКАЯ

„Общедоступная фотография“

И.Н.ЗУБКОВА

АДЪ

№87.

Копил)

6г.

1/4 часъ

1914—2014

МОСКОВСКАЯ ФОТОСТУДИЯ
Г. П. КУРАКИНА
РУССКАЯ УЛ. ПРОТИВЪ ЦЕРК. ИЛИ ПРОРОК
Принимаются заказы на всевозможныя фото
графическя работы.

1914–2014

Общедоступная фотография
ИНЗУБ
Увеличение портретов
до желаемого размера
Петро
Лиговская ул.
(улица Ослянского)
основ. в 1914 г.
Специальность: снимания детей.
Подготовка отпечатков размером 3х4 фотог. заключенных
для картонных для учащихся, железнодорожников служащих и др.

ФОТО
ЗНОМЬ И И
ОСВЩЕ

Л. ЕРМО
ВЪ КО
Богоявленская
исполняются
фотогр
Специальност
Ва фото-художест
от
Фотогр

Т. Суфьяков
Кострома

ГРАФИЯ.
СКУССТВЕННОМЪ
НІАХЪ
ЛНСКАГО
СТРОМЪ
ул., противъ монастыря.
казаны на всевозможныя
афическія работы.
ь фото-этюды и фото-картины
венныя работы получены также
ывы отъ г.г. художниковъ.
фія открыта отъ 10 час.
до 8 час. вечера.
1908 г.

1914–2014

БО
МОСКОВСКАЯ ФОТО
Г. П. КУРАК
РУСИНА УЛ. ПРОТИВЪ ЦЕРК
Принимаются заказы на все
Графическая

1914—2014

1914—2014

ТВО Свѣтописецъ, Русь Т.С. Кострома

ОГРАФІЯ

орья

СЛЕПЬУ

ЗАГОРОД
М

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

1914—2014

МОСКОВСКОЕ
Г. П. КУРАКИНА
РУССКАЯ УЛ. ПРОТИВЪ ЦЕРК. ИЛЬ
Принимаются заказы на всевозможные
Графическая работа

1914–2014

Русская Фотография
А. И. Перенекки

БОЛЬ
ОВСКАЯ
Г. П. КУРАКИНА
НА УЛ. ПРОТИВЪ ЦЕРК. ПЛЪИ ПРОРОКА
принимаются заказы на всевозможныя фото-
графическія работы.

ГОРОДАХ
ОМЪ, СОЛИГ
КАРЬВЪ, КИНЕ
ГЪ и ВАРНА

*М. Версёвца
Зилкина*

Кострома
КОСТРОМСКАЯ ФАБРИКА

Даша.
Клара.
Маша.
И.
ШАЯ
ФОТОГРАФИЯ
Зилкина
ОУСИНА УЛИЦА
ПРОТ. ЦЕРК. ИЛЬИ ПРОРОКА
КОСТРОМА
Негативы хранятся
КОК 35448

1914—2014

Сенцова
ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ АТЕЛЬЕ
КОСТРОМА
Вознесенская Улица, собственный домъ

Сниманы в и январь
1900 года, в том же и в августе
в кустарном изд. и в кустарном
Робертсон
срх-3185
КОК-10000115

1914—2014

НЕГАТИВЫ
ХРАНЯТСЯ

Эле
д

1914—2014

фотографія

„ГЕЛІОСЪ“.

КОСТРОМА, Старый дворъ.

Принимаются заказы на всевозможныя фотографическія работы.

НЕГАТИВЫ ХРАНЯТСЯ.

оме
Томсон-Ванис
1880г.
РОМА
1914г.

НАГРАДА
ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ВЪСТАВКЕ
ОСКВЪ 1889г.

ФОТОГРАФІЯ

Т. А. Косакиной

Кострома

Павловская ул. Соб. Домъ.

Негативъ
Хранитъ

1914—2014

из семейных архивов костромичей
Преображенских, Соловьёвых,
Голованчиковых

НАЧАЛО XX ВЕКА

Так, наверное, устроены люди, что у большинства из них интерес к своим корням, к истории родов, продолжением которых они являются, возникает (если возникает вообще) только с годами. Зачастую слишком поздно для того, чтобы о жизни дедов-прадедов услышать из уст еще здравствующих родственников.

К счастью, я не и исключение. Немогу сказать, что была ду совсем «левица и неболюбшан», но что тогда бы распросить подробнее – несомненно. А теперь тех, кто помнил, уже нет: поработать в архивах все не удастся (суэта сует...), и сейчас лишь по старым фотографиям, кое-каким уцелевшим документам да собственным отрывочным воспоминаниям пытался составить представление об относительно недалеком еще по времени ушедших прадедах, осознавая предсказуемую неполноту и схематичность результата.

О прадеде по материнской линии Владимире Васильевиче Соловьеве мне, к сожалению, известно совсем немного. Знаю, что это был уважаемый человек, занимавший ответственный пост начальника станции «Кострома» Северной железной дороги, глава большой семьи, где после смерти жены (Анна Александровна умерла во время родов сына Андрея) воспитывалось восемь детей. Саша, Вера, Надя, Коля, Леля, Соня, Нина, Андрей – именно в такой последовательности, от старшего к младшему, звучали их имена, когда отцу нужно было выдать всех сразу.

Дети получили гимназическое образование. Девочки, среди них и моя бабушка, красавица Надежда, учились в Григорьевой гимназии. Профессиональное поприще отца продолжил потом старший сын Александр, ставший инженером-путейцем. Дочери вышли замуж, разъехались по стране: Москва, Ташкент, Ижевск... В Костроме осталась только Вера – ее муж, Александр Александрович Знаменский, был солистом немого существовавшей здесь оперы (позднее перешел в Краснознаменном ансамбле Александрова).

В Ижевске, вслед за мужем-железнодорожником Константином Николаевичем Бодровым, в начале 1930-х гг. с двумя малолетними детьми приехала Надежда Васильевна (до этого ее семья в течение нескольких лет жила в Восточном Казахстане). Муж устроился в соответствующее специальное подразделение знаменитого оружейного завода; в заводоуправлении в должности счетного работника до конца войны трудилась и бабушка. Она умерла в марте 1945-го от инфекционного заболевания.

Из всех Бодровых в живых к тому времени осталась только Софья, моя будущая мама, еще в 1935 г. потерявшая отца, а чуть позже брата.

В 45-м она была студенткой московского медицинского института, находившегося тогда в Ижевске в эвакуации. Переехала в столицу, в арбатскую квартиру тетушки Нины. (Нина Васильевна довольно рано овдовела. Супругом ее был Анатолий Сколозубов, брат известного коневладельца Н. В. Сколозубова.) В Москве закончила учебу и получила распределение в родные края, только не в саму Кострому, а в районную больницу села Сусанина. Там, в Сусанине, Софья Константиновна Бодрова познакомилась с преподавателем местной школы Борисом Николаевичем Преображенским и стала его женой. Этот союз длился без малого полвека – несколько месяцев отец не дожидая дозо-

лотого юбилея. В детях, родившихся в этом браке, соединились две родовые ветви потомственных костромичей – Преображенских и Соловьевых.

Дед отца, мой прадед Иона Дмитриевич Преображенский (1857–1915), – удивительная личность, известный костромской собиратель и знаток старины.

Иона Дмитриевич был скромным чиновником, столоначальником канцелярии Костромского дворянского собрания в чине титулярного советника. Но в нем жила неослабеющая страсть к поиску (и часто в прямом смысле слова спасению) уходящих древностей, он обладал незаурядным чутьем, позволявшим ему распознавать истинную ценность предметов старины. С 1891 г. Иона Дмитриевич являлся членом Костромской губернской ученой архивной комиссии, исполняя обязанности делопроводителя. Многие годы заведовал музеем КГУАК, который во многом был обязан ему богатством своих коллекций. Занимался археологическими изысканиями, прекрасно читал скоропись и, как сказано в записке председателя Комиссии Николая Селифонтнова о заслугах И. Д. Преображенского по случаю представления последнего к ордену Св. Станислава III степени, «хорошо дешифровала древние и старинные почерки... много содейств... изданию текстов и описаний древней письменности».

Будучи человеком исключительно порядочным и скромным, он никогда не использовал свои обширные познания (и происходящие отсюда возможности) в целях самоутверждения или личного обогащения, притом что, даже служа, а уж тем более выйдя в отставку, жил чрезвычайно небогато, часто перебиваясь со своим семейством с хлеба на квас. Подвижник и бесребреник, Иона Преображенский стал одним из протипов главного героя рассказов «Жизнь несмертельная» (1917) русского писателя А. М. Ремизова, творчество которого Марина Цветаева называла «жизной сокровищницей русской души и речи». Даже имя этого героя – Иона.

Что касается ордена, полагаю, он был получен, и тому есть косвенные подтверждения. Во-первых, по свидетельству моего отца, его дед имел личное дворянство. Основанием для этого в данном случае могло быть именно награждение Станиславом III степени, ибо другая возможность стать личным дворянином – выслуга чина коллежского ассессора, соответствовавшего В классу Табели о рангах, – отпадает, так как Иона Дмитриевич был чиновником 9 класса. В пользу получения им личного дворянства свидетельствует и тот факт, что в одной из сохранившихся официальных бумаг его сын Николай назван потомственным почетным гражданином. Звание же это он мог иметь только вследствие личного дворянства родителей.

Кстати, по воспоминаниям внуков (отца и его сестер), вопрос о принадлежности к дворянскому сословию в семье деду времени полутора обсуждался по такому вот еще поводу. Его жена Ольга Афанасьевна в детстве носила фамилию Пожарская. Вряд ли «бабушка Ольга», как называли ее повзрослевшие внуки, имела непосредственное отношение к представителям славленной фамилии, но при случае любила козырнуть перед Ионей Дмитриевичем «родовитостью». Умный муж прерод ей эту маленькую слабость и лишь посмеивался. Впрочем, помню, что говорились об Ольге Афанасьевне всегда тепло и уважительно.

Супруги Преображенские воспитали трех дочерей и сына. Николай Иванович Преображенский — мой дед. Он родился в январе 1886 г., среднее образование получил в Костромской классической гимназии, затем учился в Ярославле, собиравшись стать врачом, но по состоянию здоровья был вынужден прервать учебу. Служил по ведомству статистики в губернской земской управе, в частности в 1912 г. занимался экономическим исследованием торговых дорог губернии.

В августе 1915-го закончил по первому разряду Александровское военное училище. Участник Первой мировой войны, поручик 336-го пехотного Челябинского полка, воевал на Галицийском фронте, в сентябре 1916-го тяжело контужен и комиссован. Между прочим, в декабре предыдущего года к нему на фронт приезжала жена: сохранился любовный документ — подписанное вице-губернатором удостоверение на право выезда супруги из Костромы в действующую армию для свидания с мужем с подтверждением ее политической благонадежности.

Позднее Николай Иванович вновь занимался статистикой, в начале 1920-х гг. был командиром взвода Костромского губернского конского полка, долго работал в агентуре системы. Увлекался фотографией (несколько размещенных здесь видов старой Костромы выполнены им). Умер он в 1958 г.

Жена Н. И. Преображенского Александра Александровна, выпускница Григоровской гимназии, была дочерью помощника секретаря губернской земской управы А. К. Голованчикова, человека интеллигентного и незаурядного.

Александр Капитонович Голованчиков, еще один мой прадед по линии отца, выходец из крестьян села Писцова Писцовской волости Нерехтского уезда, Костромской губернии, с 1890 по 1901 г. занимал должность волостного писаря. В аттестате, выданном ему в связи с отъездом в Кострому по новому месту службы, земский начальник, «с чувством глубокого сожаления расставаясь с г. Голованчиковым», среди прочих достоинств бывшего сотрудника отмечал его толковость, добросовестность, безусловную честность, хорошее знание им законодательства по крестьянскому делу, прекрасное умение излагать письменно свои мысли и вообще хорошее владение словом». Позже и в Костроме он в полной мере сумел проявить свои деловые качества: будучи по должности помощником секретаря управы, неоднократно исполнял обязанности своего начальника, проводил сессии губернского земского собрания, кроме того, с 1907 г. являлся смотрителем зданий губернской земской управы.

Однако жизненные устремления Александра Капитоновича не исчерпывались его служебной деятельностью. Он был не лишен литературных способностей, при этом мыслить весьма смело и нетривиально, его сочинения, включая стихотворные, имели ярко выраженную социальную направленность. Ношение публицистической характер размышления его о положении трудящихся, о роли религии в жизни общества сохранили несколько больших машинописных листов, подписанных псевдонимом «К. П. Тоняч».

У Голованчиковых было пятеро детей. С Преображенскими семейство породнилось дважды: сын Александра Капитоновича Иван взял в жены дочь Ионы Дмитриевича Веру, дочь Александра вышла замуж за Николая Ивановича.

Свою бабушку Александру Александровну Преображенскую (1895—1978) я помню хорошо. Помню дом на Дёбре

(тогда, разумеется, ул. Кооперации), сад с цветущими по весне яблонями, пироги из голландской лепки, помню, как ходили по выходным к бабушке в гости... И очень отрывочно — какие-то фрагменты из воспоминаний времен ее юности: запруженные народом улицы в день приезда императорской семьи в мае 1913-го, высеченную столб начальной полой «шдметинского» шлефром палаты начальника (или высокой гостыль?) в актовым зале гимназии, заставший в памяти кусочек французской скороговорки, в которой фигурировала некая madame Sessui. А вот бабушку гимназистку шестого класса среди подруг, выстроившихся строгими рядами на фоне стены с овальными портретами царственных особ, всегда могу доподлинно представить себе, открыв посвященный Григоровской гимназии фотоальбом начала прошлого века.

Николай Иванович и Александра Александровна имели шестерых детей: сыновей Николая, Вадима, Бориса и Владимира и дочерей Ольгу и Наталью. Двое из сыновей воевали. Вадим, 1917 г. рождения, старший брат отца и очень любимый им, с войны не пришел — пропал без вести.

Гвардии лейтенант, орденноносец Борис Николаевич Преображенский (1923—2004), ушедший на фронт мальчишкой, принимавший участие в разгроме немецкой танковой группировки под Будапештом и освобождении Вены, вернулся победителем. В детстве, вполне в духе времени, мечтал стать летчиком, но война изменила планы. Слал художником. Выпускник Костромского художественного училища, ученик известного живописца Николая Павловича Шендина (1873—1952), он уехал по распределению преподавать черчение и рисование в с. Сусанино, где и встретил будущую супругу жизни.

В мае 1960 г. родители вернулись в Кострому. Отец трудился в системе кинофикации, создавая наружную рекламу для кинотеатров «Художественный» и «Россия», был настоящим профессионалом своего дела, имел многочисленные благодарности и грамоты, в том числе Министерства кинематографии. В приветственном адресе по случаю его 60-летия есть такие слова: «Четверть века отдано Вами этой замечательной работе. Ваша реклама — настоящее произведение искусства...» Отец был разносторонне талантливым: любил музыку, пел, умел танцевать, писал неплохие стихи «по поводу».

Мама, Софья Константиновна Преображенская (1925), получившая специализацию физзиатра, в течение многих лет работала врачом, заведовала отделением Костромского тубдиспансера, пользовалась неизменным уважением коллег и пациентов. Ветеран труда, в общей сложности 52 года жизни отдала она медицине.

Вот на такие воспоминания о родных сподвигли меня старые фотографии семейного архива. Это были достойные люди, жизнь многих заслуживает отдельных исследований. Надеюсь, они еще впереди.

*С искренним уважением к читателям фотоальманаха,
Т. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ.*

1914—2014

▲ Александр Васильевич Соловьев, инженер-железнодорожник. Фото 1914 г.

◀ Василий Владимирович Сидельник, начальник станции Кострома Северной железной дороги. Фото нач. XX в.

Электро-
фотография
„ГЕЛИОСЪ“.

КОСТРОМА, Старый дворь.
Принимаются заказы на всевозмож-
ную фотографическую работу.

НЕГАТИВЫ УХРАНЯТСЯ

1914—2014

▲ В. В. Соловьев с сыном Александром и дочерьми Надеждой (1-й ряд); Виной, Еленой, Софией, Верой (2-й ряд слева направо). Фото 1914 г.

▶ В. В. Соловьев с женой Анной Александровной и детьми. Фото нач. XX в.

▶ Анна Александровна Соловьева. Фото конца XX в.

1914

А. Александровна
2008

1914–2014

▲ Ученицы Григоровской женской гимназии. Вторая слева во 2-м ряду Надежда Соловьева. Фото конца 90-х гг. XIX в.

► Гимназисты и гимназистки. Сестры Соловьевы: Наде (внизу) и Вера (первая слева сверху). Фото 1901 г.

◀ Надежда Васильевна Соловьева. Фото 1908 г.

1914—2014

◀ «Живые картины»
(в центре - Н. Соловьева).
Костюмированный вечер. Фото 1909 г.

▲ Надежда Васильевна
Соловьева. Фото
1908 г.

◀ Вера (справа) и
Надежда Соловьевны.
Костюмированный вечер.
Фото 3 января 1909 г.

1914–2014

► К. Н. Бодров. Действующая армия, Харбик. Фото 1905 г.

▲ Константин Николаевич Бодров (в центре) с сослуживцами. Фото 10-х гг. XX в.

► Сотрудники железнодорожной станции Кострома. 4-й слева (в центре) Константин Николаевич Бодров, зять В. В. Соловьева, муж дочери Надежды. Фото нач. 1910-х гг.

Е. А. Колтаковъ.

Харбинъ, ←←

→→ Маньчжурія.

1914—2014

▲ К. Н. Бодров, Действующая армия (?). Фото 1902 г.

▼ Пискив. Фото 1910-х гг.

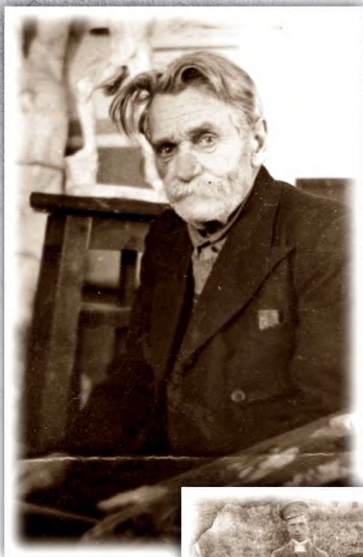

▲ Иона Дмитриевич Преображенский, stolonchальник казначейри Костромского дворянского депутатского собрания, член Костромской губернской ученой архивной комиссии, делегированный в КГУАК, с родственниками. В центре - жена Ольга Афанасьевна (урожд. Пожарская) с дочерью Верой на руках, слева - сын Николай. Фото 1990-х гг.

▲ И. Д. Преображенский с сыном Николаем и невесткой Александрой. Фото нач. 1910-х гг.

1914—2014

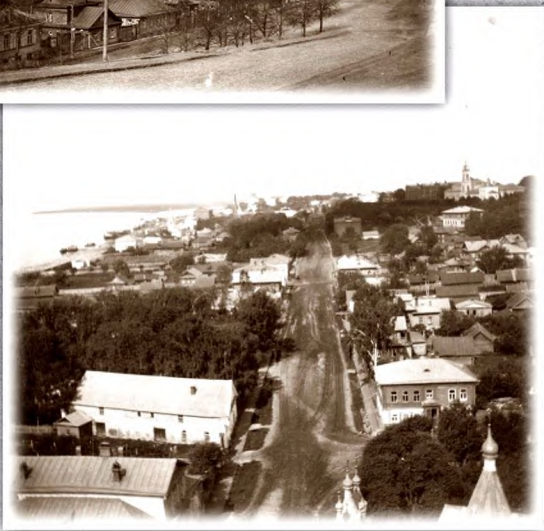
◀ Художник Николай Павлович Шляк. Фото сер. XX в.

▼ Александр Капитонович Голованчиков, помощник секретаря губернской земской управы, смотритель зданной усадьбы, с семьей: в центре (стоит) – дочь Александра. Фото нач. 1910-х гг.

◀ Николай Иванович Преображенский, поручик 336-го пехотного Челябинского полка, с женой Александрой Александровной (урожд. Голованчиковой). Фото 1915 г.

1914—2014

▲ Весенний разлив Валу, ул. Лесная (Нижняя Дебра). Фото 1926 г.

► Весенний разлив р. Кострома, Ипатьевский монастырь. Фото 1926 г.

◀ Ул. Держинского (Все святская). Фото нач. XX в.

▼ Панорама ул. Лесной (Нижняя Дебра). Вид с колокольни церкви Воскресения на Нижней Дебре. Фото 1900 г.

